

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
АКАДЕМИЯ
ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

РАНХиГС ВОЛГОГРАД

ISSN 2782-5531

ПАРАДИГМЫ УПРАВЛЕНИЯ, ЭКОНОМИКИ И ПРАВА

Научный журнал Волгоградского института управления

PARADIGMS OF MANAGEMENT, ECONOMICS AND LAW

№1(11)
2024
29.03.2024

№1(11) 2024

ДАТА ВЫХОДА В СВЕТ
29 марта 2024 года
RELEASE DATE:
March 29, 2024

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
АКАДЕМИЯ
ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ
РАНХиГС ВОЛГОГРАД

Сетевое издание

Online publication

**ПАРАДИГМЫ
УПРАВЛЕНИЯ,
ЭКОНОМИКИ
И ПРАВА**

**PARADIGMS
OF MANAGEMENT,
ECONOMICS
AND LAW**

Средство массовой информации зарегистрировано
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых
коммуникаций.

Регистрационный номер:
серия ЭЛ № ФС 77-78424
от 15 июня 2020 г.

Международный индекс журнала
ISSN 2782-5531

The media outlet is registered by the Federal Service
for Supervision of Communications, Information
Technology and Mass Media
(Roskomnadzor).

Registration number:
ЭЛ series no. ФС 77-78424
of June 15, 2020

International Standard Serial Number of the Journal
ISSN 2782-5531

УЧРЕДИТЕЛЬ:

федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»

FOUNDER:

Federal State Federal-Funded Educational Institution
of Higher Education
«Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration»

Главный редактор

Бардаков А. И.

Editor-in-Chief

Aleksey I. Bardakov

Адрес редакции:

400066, Волгоградская обл. г. Волгоград,
ул. им. Гагарина, д. 8
Тел.: (8442) 72-68-46;
e-mail: paradigm-vlgr@ranepa.ru
<http://paradigmy34.ru/>

Editorial Office Address:

400066, Volgograd region, Volgograd,
Gagarin Street Campus, building 8
Tel.: (8442) 72-68-46;
e-mail: paradigm-vlgr@ranepa.ru
<http://paradigmy34.ru/>

Издательство: Издательско-полиграфический центр
Волгоградского института управления – филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2024

Publishing House: Publishing and Printing Center
of the Volgograd Institute of Management, branch of RANEPА, 2024

Главный редактор

Бардаков Алексей Иванович – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Заместители:

Соколов Алексей Алексеевич – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС (управление), г. Волгоград, Россия

Чумакова Екатерина Александровна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС (экономика), г. Волгоград, Россия

Осетрова Анна Юрьевна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС (право), г. Волгоград, Россия

Редакционный совет журнала:

Абдрашитов Вагип Мнирович – Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Братановский Сергей Николаевич – Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова г. Москва, Россия

Елисеев Вячеслав Сергеевич – Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина, г. Москва, Россия

Кабанов Вадим Николаевич – Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет, г. Москва, Россия

Кублин Игорь Михайлович – Саратовского государственного технического университета им. Ю. А. Гагарина, г. Саратов, Россия

Ларионов Аркадий Николаевич – Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет, г. Москва, Россия

Панкратов Сергей Анатольевич – Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Попкова Елена Геннадьевна – Московский государственный институт международных отношений (университет), г. Москва, Россия

Попелуев Сергей Петрович – Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Сафаров Бахтовар Амралаевич – полномочный представитель Республики Таджикистан в Российской Федерации, Республика Таджикистан

Чукин Сергей Георгиевич – Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

Яхьяев Мухтар Яхьяевич – Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Дагестан

Редакторы перевода:

Семикина Юлия Геннадьевна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Гуляева Евгения Вячеславовна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Editor-in-Chief

Alexey I. Bardakov – Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa, Volgograd, Russia

Deputy Editors-in-Chief:

Alexey A. Sokolov – Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa (Management), Volgograd, Russia

Ekaterina A. Chumakova – Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa (Economics), Volgograd, Russia

Anna Yu. Osetrova – Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa (Law), Volgograd, Russia

Editorial Board:

Agip M. Abdrashitov – Volgograd State University, Volgograd, Russia

Sergey N. Bratanovsky – Plekhanov Russian University of Economics Moscow, Russia

Vyacheslav S. Eliseev – Kutafin Moscow State Law University, Russia

Vadim N. Kabanov – National Research Moscow State University of Civil Engineering, Moscow, Russia

Igor M. Kublin – Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Russia

Arkady N. Larionov – National Research Moscow State University of Civil Engineering Moscow, Russia

Sergey A. Pankratov – Volgograd State University Volgograd, Russia

Elena G. Popkova – Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Moscow, Russia

Sergey P. Potseluev – Southern Federal University (SFU), Rostov-on-Don, Russia

Bakhtovar A. Safarov – Plenipotentiary Representative of the Republic of Tajikistan in the Russian Federation, Republic of Tajikistan

Sergey G. Chukin – Saint Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard of the Russian Federation Saint-Petersburg, Russia

Mukhtar Y. Yahyaev – Dagestan State University, Makhachkala, Dagestan

Translation Editors:

Yulia G. Semikina – Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa, Volgograd, Russia

Evgeniya V. Gulyaeva – Volgograd Institute of Management, branch of Ranepa, Volgograd, Russia

Редакционная коллегия журнала:

Али-заде Айдын Ариф оглы – Институт философии и социологии НАНА, г. Баку, Азербайджан

Алмосов Александр Павлович – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Анисимов Алексей Павлович – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Аширбекова Мадина Таукеновна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Баранов Андрей Владимирович – Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Барсукова Татьяна Ивановна – Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Россия

Болтанова Елена Сергеевна – Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Россия

Брехова Юлия Викторовна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Ван Цзиньлин – Чанчуньский университет, Чанчунь, КНР

Гурбанов Физули Магомед оглы – Институт философии и социологии НАНА, г. Баку, Азербайджан

Дроздова Юлия Алексеевна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Иванова Татьяна Борисовна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Ишмухамедов Шарип Абдрахманович – Университет Туран, г. Алматы, Казахстан

Карипов Балташ Нурмухамбетович – Кокшетауский университет имени Шокана Уалиханова, г. Кокшетау, Республика Казахстан

Климук Владимир Владимирович – Барановичский государственный университет, г. Барановичи, Республика Беларусь

Лю Янь – Чанчуньский университет, Чанчунь, КНР

Максимова Ирина Васильевна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Маслова Надежда Валентиновна – Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов, г. Санкт-Петербург, Россия

Марусинина Елена Юрьевна – Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Миронова Светлана Михайловна – Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Россия

Рагозина Татьяна Эдуардовна – Донецкий национальный технический университет, г. Донецк, Россия

Столярова Алла Николаевна – Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, г. Москва, Россия

Талипова Нигора Тулкуновна – Ташкентский филиал РЭУ имени Г. В. Плеханова, г. Ташкент, Республика Узбекистан

Устюкова Валентина Владимировна – Институт государства и права РАН, г. Москва, Россия

Editorial Council:

Aydin A. Alizade – Institute of Philosophy and Sociology of ANAS, Baku, Azerbaijan

Alexander P. Almosov – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPА, Volgograd, Russia

Aleksei P. Anisimov – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPА, Volgograd, Russia

Madina T. Ashirbekova – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPА, Volgograd, Russia

Andrey V. Baranov – Kuban State University, Krasnodar, Russia

Tatyana I. Barsukova – North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia

Elena S. Boltanova – National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

Yulia V. Brekhova – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPА, Volgograd, Russia

Wang Jinling – Changchun University, Changchun, China

Fuzuli M. Gurbanov – Institute of Philosophy and Sociology of ANAS, Baku, Azerbaijan

Yulia A. Drozdova – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPА, Volgograd, Russia

Tatyana B. Ivanova – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPА, Volgograd, Russia

Sharip A. Ishmukhamedov – Turan University, Almaty, Kazakhstan

Baltash N. Karipov – Shoqan Ualikhanov Kokshetau State University, Kokshetau, Republic of Kazakhstan

Vladimir V. Klimuk – Baranavichy State University, Baranavichy, Republic of Belarus

Liu Yan – Changchun University, Changchun, China

Irina V. Maksimova – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPА, Volgograd, Russia

Nadezhda V. Maslova – Saint Petersburg University of the Humanities and Social Sciences, Saint Petersburg, Russia

Elena Yu. Marusinina – Volgograd State University, Volgograd, Russia

Svetlana M. Mironova – Volgograd Institute of Management, branch of RANEPА, Volgograd, Russia

Tatyana E. Ragozina – Donetsk National Technical University, Donetsk, Russia

Alla N. Stolyarova – Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

Nigora T. Talipova – Tashkent Branch of Plekhanov Russian University of Economics, Tashkent, Republic of Uzbekistan

Valentina V. Ustyukova – Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

СОДЕРЖАНИЕ**THE CONTENT****УПРАВЛЕНИЕ****MANAGEMENT****ПОЛИТИЧЕСКОЕ
УПРАВЛЕНИЕ****POLITICAL
MANAGEMENT**

Степанова Е. В., Хамди Шахин
Образ России в американском
политическом дискурсе: вербальные
репрезентации..... 7

Stepanova E. V., Hamdy Shaheen
Images of Russia
in American Political Discourse:
Verbal Representations..... 7

**ФИЛОСОФИЯ ВЛАСТИ
И УПРАВЛЕНИЯ****PHILOSOPHY OF POWER
AND MANAGEMENT**

Задорин В. В., Плужникова Н. Н.
Машины Тьюринга в парадигме
современной науки..... 16

Zadorin V. V., Pluzhnikova N. N.
Turing machines in the paradigm
of modern science..... 16

ЭКОНОМИКА**ECONOMICS****НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ****NATIONAL INTERESTS**

Тянь Цян, Лю Янь, Ли Цзиньхуа
Расчет высокого уровня развития и
пространственных характеристик
логистической отрасли Китая..... 30

Tian Qiang, Liu Yan, Li Jinhua
Measurement of High-Quality Development
Level and Its Spatial Characteristics
of Logistics Industry in China..... 30

**ЭКОНОМИКА И
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО****ECONOMY AND
ENTREPRENEURSHIP**

Беликова Е. В.
Перспективные мероприятия по совершенствованию бухгалтерского учета и налогообложения предприятий сферы услуг..... 46

Belikova E. V.
Promising events
to improve
accounting and taxation
of service enterprises..... 46

**УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ
ЭКОНОМИКИ****SUSTAINABLE ECONOMIC
DEVELOPMENT**

Федячкин И. И.
Государственные закупки как способ оптимизации расходов бюджетов лечебно-профилактических учреждений в сфере здравоохранения: сущность, актуальные проблемы, пути совершенствования..... 60

Fedyachkin I. I.
Public procurement as a way to optimize budget expenditures of treatment and prevention institutions in the field of health care: essence, current problems, ways of improvement..... 60

ПРАВО**LAW****ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО****PUBLIC LAW**

Коростелева М. В., Коростелева Н. В.
Особенности организации публичной
власти в федеральных территориях
Российской Федерации..... 71

Korosteleva M. V., Korosteleva N. V.
Features of the organization of public
authority in the federal territories
of the Russian federation..... 71

ЧАСТНОЕ ПРАВО**PRIVATE LAW**

Кдлян Е. Л., Магдесян Г. А.
Правовая регламентация защиты
цифровых прав несовершеннолетних
детей..... 81

Kdlyan E. L., Magdesyan G. A.
Legal regulation of protection
of digital rights of minor
children..... 81

УПРАВЛЕНИЕ

MANAGEMENT

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ

POLITICAL MANAGEMENT

УДК 81'33:327(470)

ОБРАЗ РОССИИ В АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ВЕРБАЛЬНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Екатерина Владимировна Степанова

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС,

г. Волгоград, Российская Федерация

Хамди Шахин

Университет Эль Мансуры, Мансура, Египет

Аннотация. Введение. В статье проводится анализ качественных вербальных репрезентаций образа России в американских политических выступлениях в период с февраля 2022 по февраль 2024.

Методы. Объем изученного материала составил 200 000 знаков и включал около 50 публичных выступлений и транскрипций пресс-конференций политического и военного руководства. В исследовании использовались сравнительный, интерпретационный, концептуальный и описательный методы.

Анализ. В анализируемом материале выявлены типичные, повторяющиеся концепты, связанные с Россией, которые встречаются во всех рассматриваемых текстах; передают негативный образ России в языковом сознании американской лингвокультуры; были также выявлены новые образы, связанные с текущей политической повесткой дня.

Результаты. Авторы представляют результаты изучения манипулятивных тактик и вербальных средств их реализации в рамках репрезентации концептуального образа России в современном американском политическом дискурсе. Было определено, что средства номинации и вербальные репрезентаций детерминированы концептами «no freedom of speech», «corruption», «weak evil enemy», «appalling tyranny», «human rights violations», «authoritarian nature», «totalitarian state», «threat to democracy», «axis of evil», «inevitable defeat» также используются приемы манипулирования, включающие нивелирование фактов и противопоставления значений.

Ключевые слова: политический дискурс, концептуальные образы, образ России, вербальные репрезентации.

UDC 81'33:327(470)

IMAGES OF RUSSIA IN AMERICAN POLITICAL DISCOURSE: VERBAL REPRESENTATIONS

Ekaterina V. Stepanova

Volgograd Institute of Management, branch of Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Volgograd, Russian Federation

Hamdy Shaheen

Mansoura University, Mansoura, Egypt

Abstract. Introduction. The article analyzes qualitative verbal representations of the image of Russia in American political speeches from February 2022 to February 2024.

Methods. The volume of the studied material amounted to 200,000 characters and included about 50 public speeches and transcriptions of press conferences of the political and military leadership. The study used comparative, interpretive, conceptual and descriptive methods.

Analysis. The analyzed material reveals typical, recurring concepts associated with Russia, which are found in all the texts under consideration; convey a negative image of Russia in the linguistic consciousness of American linguistic culture; New images related to the current political agenda were also identified.

Results. The authors present the results of a study of manipulative tactics and verbal means of their implementation within the framework of the representation of the conceptual image of Russia in modern American political discourse. It was determined that the means of nomination and verbal representations are determined by the concepts “no freedom of speech”, “corruption”, “weak evil enemy”, “appalling tyranny”, “human rights violations”, “authoritarian nature”, “totalitarian state”, “threat to democracy”, “axis of evil”, “inevitable defeat”, manipulation techniques are also used, including leveling facts and contrasting meanings.

Keywords: political discourse, conceptual images, image of Russia, verbal representations.

Introduction

Studying political discourse in the context of public speeches of the leaders of US military in the period of 2022-2024 is of significance in current conditions and contributes to the development of concept studies, linguistic pragmatics, and communication theory [3], [10].

The political texts are of particular interest for the study of verbal strategies, manipulation tactics and stylistic features of creating images of some States, since their goal is not only to convey relevant information about countries, their actions but also to build certain attitudes, provoke an emotional response, and encourage a certain behavior in recipients [2].

Dynamics of linguistic and cultural features of conceptual images of Russia at the pragmatic, ideological, and information levels in the political speeches of the US leadership has particular features typical the American narrative related to an enemy state. Pragmatic specificity of political discourse is of particular interest from a linguistic and cultural point of view [9]. The texts of political discourse are aimed at persuading the addressee based on existing patterns in his ideas and linguistic means of implementation corresponding to the goals, which are correlated with contextual expectations [10]. Primarily, linguistic means of the lexical level are used to broadcast an information message, as well as to form certain key concepts in the cognitive structure of political discourse aimed at a context-determined way of interpreting information and the deployment of value settings of the message [5].

Materials and Methods

The representation of the image of Russia in American political speeches has not been sufficiently studied in current situation of special military operation from pragmatic, communicative and cognitive perspective in linguistics. The purpose of the article is to consider some linguistic and pragmatic feature of the representation of Russia in public political speeches in the English language based on the discourse of the American military leadership in 2022-2024. The authors also study the linguistic and pragmatic strategies as well as manipulative tactics used in the texts. The volume of the studied material amounted to 200,000 characters and included about 50 public speeches and transcriptions of press conferences of political and military leadership. Comparative, interpretive, conceptual, and descriptive methods were used in the study.

Analysis

The addressee's ideas are part of certain linguistic reality, therefore the effectiveness of the impact of the transmitted message is determined by the choice of linguistic means that translate or rely on existing patterns in the consciousness [1], [5]. Thus, in order to determine the most significant concepts and semantic components for the recipient, verbalized by language units in the type of text under study, it is necessary to study the context and pattern of use of some language units, their synonymous series, compatibility options, taking into account the functional orientation of the broadcast message.

The image of a state in political speeches impacts public perception, cultural superstructures and ideas. The study of public political speeches in the context of the images of states they form in different time periods acquires significance in current conditions and contributes to the development of communication theory, and rhetoric.

Relations between the US and Russian are characterized by conflicting political interests, Cold War history; over the past few years, tensions have intensified, which is reflected in the conceptual images of Russia broadcast in political discourse and the linguistic means applied. The reflection of topics related to Russia in political speeches and the image being formed are associated with certain stereotypical ideas, implemented at the formal level with the help of cultural associative ties.

According to E. I. Sheigal, when implementing social institutional interaction, two directions of communication can be distinguished: from institution to society and from society to institution [11], [6].

This study examines the first direction through the prism of examining the emerging conceptual images of Russia in public political speeches in American foreign policy. This type of communication is aimed at an internal loyal audience with similar values to form, maintain or change conceptual ideas about Russia in order to satisfy existing or newly emerging needs and requests [7], [11].

Research outcome

It should be noted that the verbal representation of Russia in the political discourse of the American leadership during the entire period under review from the beginning of 2022 to 2024 is carried out in an exclusively negative manner. In the analyzed material, typical, repeating concepts associated with Russia were identified which are found in all the texts under consideration; they convey a negative image of Russia in the linguistic consciousness of American linguistic culture; new images related to the current political agenda were also identified.

As a result of the study, the following concepts can be attributed to the first linguistic and cultural category of conceptual images of formed with the help of associative verbal fields: *no freedom of speech* – 24 cases (“Ukraine will never be victories for Russia, for free people refuse to live in a world of hopelessness and darkness”. “Russian efforts to suppress freedom of expression and peaceful assembly are a matter of deep concern to us and the international community”. “Russian and Belarusian nationals complicit in hindering the work of independent media”), *corruption* – 14 cases (“They share the corrupt gains of the Kremlin policies and should share in the pain as well”. “Russia and its 'corrupt billionaires’”. “Share in the corrupt gains of Russian policies”); *human rights violations* – 18 cases (“Russia has engaged in activities which are – we believe are contrary to international norms”. “Inquiry investigates Russia’s violations and abuses of human rights in Ukraine”. “Russia has shamelessly violated the core tenets of the United Nations charter...”); *authoritarian nature* – 12 cases (“China and Russia represent the central axis of expansive authoritarianism”, “autocrat” Vladimir Putin was right to say that relations were at their lowest point”, “coordinate policy changes that can contain rampant authoritarian aggression”); *totalitarian state* – 14 cases (“Our ally democracies are under attack from terrorists, from tyrants, from totalitarianism”. “US seeks to counter the authoritarian pull of Russia”, “...totalitarian mindset inherited from the Soviet Union”, “reasonable these days to describe Russia as a totalitarian state”); *threat to global democracy* – 13 cases (“We must act now to fight terror, protect civilians, and maintain democracy in Israel, Gaza, Ukraine, and Taiwan” “...threats from Russia, Iran, North Korea, and to stand up for democracy and human rights”, “to defend their homelands, and to safeguard democratic ideals”); *axis of evil* – 11 cases (“There's an axis of evil in the world: China, Russia, North Korea”. “China has engaged in activities that Russia and many other activities that – that others have engaged in in terms of intimidation and dealing with other countries”); *inevitable defeat* – 11 cases (“Putin has already lost this war”. “Russia will never defeat Ukraine”. “There is “no possibility” of Russian President Vladimir Putin winning the war in Ukraine”. “Russia has already lost. It cannot meet its original objective which it stated. It's not possible”).

It should also be noted the following conceptual images of Russia, which were found in the general array of political speeches no more than twice: *despotism, excessive centralization, unaccountable management system, opaque state, low tolerance to the opposition, propaganda*. Thus, the described concepts associated with Russia are universal for American political discourse and are found in all the texts studied.

The type of concepts demonstrates a reactionary view of Russia as an autocracy, legitimizes the identity of the United States as a leader of democracy and freedom in opposition to a repressive and undemocratic Russia, and reflects concerns about militarism and the strengthening of statehood. Russia is portrayed as a mirror image of the American system in a significantly simplified and unfavorable form. It should be noted that the concepts partially coincide with the ideas of the Cold War, which are relevant for a significant part of American linguistic culture.

Another group of ideas about Russia is implemented at the formal level with the help of linguistic and cultural associations with the current political agenda and vary over different periods of time. Previously, one of the main associative images of Russia in the political discourse of the US leadership was *cyber threat* and *interference in the American elections*. However, in the studied material those issues were seldom mentioned (“Russia's aggressive actions – interfering with our elections, cyber-attacks, poisoning its citizens – are over”. “The budget helps us counter the belligerence we see from Russia, particularly in the cyber realm”). The topic was replaced with new perspective of *threat to economy* of the Nord Stream (“this pipeline is a Russian geopolitical project intended to divide Europe and weaken European energy security”).

Thus, in 2022–2024, the following conceptual images of Russia can be attributed to this group of linguistic and cultural categories: *unprovoked aggressor, weak evil enemy, and appalling tyranny*.

Based on the principle of frequency, in the American political discourse of 2022–2024, associative-verbal fields of the conceptual image of *an inept weak enemy* were identified, which we also divided into two groups. The first group included images that describe the current situation: *significant military casualties – significant military losses – 29 cases, failed offensive – 17 cases, zero probability of Russian victory – 31 cases, lost war – 14 cases, indiscriminate shelling – 7 cases*. The second group includes negative descriptions of the general state of the Russian army: *poorly trained and equipped – 27 cases, low discipline and moral – 22 cases, lack in leadership – 19 cases, poor defense industry – 9 cases*.

Linguistic means at the lexical and grammatical level are highly emotional due to repetitions (“So the troops that are manning those Russian lines are poorly trained, poorly equipped”), epithets (“...the Russians lack in leadership, they lack will, the morale is poor, and their discipline is eroding... but Russian leadership miscalculated”), paraphrases (“Russia right now is on its back”), hyperbole (“Russia has made one of the greatest strategic errors Russia's ever made”).

To achieve the established pragmatic objectives of creating an image of weakness and ineptitude, manipulative techniques are widely applied including *levelling facts* (“...the Russians have failed every single time”. “Ukraine repels Russian aerial attacks”. “Russia achieving its strategic objectives of conquering Ukraine...”). Another manipulative tactics is the *distortion and omissions of*

information (“So the Russian situation is not very good, even though they’ve been fighting a fight because of the minefields. ...demoralized the Russian military”), *opposition of “democracy – tyranny”* (“liberate their country’s sovereign territory from Russian occupation”. “Russia has been waging a cruel and reckless war of choice against its peaceful and democratic neighbor. Ukraine is defending freedom against Russian tyranny”).

Qualitative verbal representations and means of nomination of various population groups are expressed through the opposition of concepts, including lexical oppositions (the wars we see in Israel and Ukraine are part of an existential struggle between fascism and freedom, despotism and democracy, might and right; dictator can wake up one day and decide to annex the property of his peaceful neighbor; Russia's illegal and immoral invasion seeks to subjugate an independent nation and oppress a free people; Ukraine is defending freedom against Russian tyranny; Russia has been waging a cruel and reckless war of choice against its peaceful and democratic neighbor. The use of the antithesis technique in the given examples allows us to qualitatively contrast the essential characteristics of population groups whose verbal representations are built on the mutually exclusive meanings of the concepts of *freedom and despotism, peace and war, law and lawlessness, democracy and terror*. By creating an emotional image through the use of units with the meaning of opposition, confrontation, the addresser emphasizes the conflict, contradiction of the characterized groups and the described events.

Conclusion

The speeches of the American political leadership are determined by the pragmatic goals of achieving loyalty in the domestic arena through an active foreign policy position, as well as promoting a sound foreign policy. The representation of the image of Russia at the end of 2022 is carried out exclusively in a negative way on the basis of dehumanization; manipulative tactics of exaggeration, distortion, leveling of facts, agonistic and mixed speech strategies, evaluative verbal means are used, constructing the image of an aggressor professing values opposed to the Western audience, as well as significant military threats – in the early 2024 in terms of discussion and answers to questions from political leaders.

Prospects for further research of the topic include identifying a broader list of verbal representations, as well as systematizing the manipulative tactics used and verbal means of their implementation in American political discourse; carrying out an in-depth comparison of quantitative and qualitative indicators, involving the identification of a wider list and subsequent classification of the linguistic means used to designate different groups in different chronological periods.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Беляевская Е. Г. Концептуальный анализ: результат, на который обычно не обращают внимания // Когнитивные исследования языка. 2022. № 4 (51). С. 89-94.
2. Гурбанов Э. А. оглы, Нанаева Б. Б. Мультикультурная модель социокультурного развития общества в независимом Азербайджане // Парадигмы управления, экономики и права.

2023. № 1 (7). С. 19-24. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2023_N1.pdf (дата обращения 07.02.2024).

3. Калл Н. Дж. Публичная дипломатия: Таксономия и история // *Анналы Американской академии политических и социальных наук*. 2008. 616 с.

4. Медоуз Б. Дистанцирование и демонстрация солидарности через метафору и метонимию в политическом дискурсе: критическое исследование американских заявлений по Ираку в 2004–2005 годах // *Критический подход к дискурсивному анализу между дисциплинами*. 2007. Т. 1 (2). С. 1-17.

5. Степанова Е. В. Манипулятивный потенциал вербальных репрезентаций в американском политическом дискурсе // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2024. Том 17. Выпуск 1. <https://doi.org/10.30853/phil20240008>

6. Сюэ Ю. Методы исследования политического дискурса в контексте цифровизации гуманитарных наук // *Политическая лингвистика*. 2023. № 1 (97). С. 136-143.

7. Халлин Д. К., Манчини П. Новый взгляд: четыре эмпирических типа западных медиасистем // *Коммуникационный журнал*. Кембридж: Издательство Кембриджского университета. 2004. 329 с.

8. Чернобров Д., Брайант Э. Л. Конкурирующая пропаганда: как США и Россия представляют взаимную пропагандистскую деятельность // *Политика*. 2022. 42 (3). С. 393-409.

9. Шахин Х., Абдельгаффар А., Негм М. Критический дискурс-анализ избранных юридических и экономических тестов, связанных с пожертвованиями в исламских неисламских странах: сравнительное исследование. Университет Мансура, факультет искусств, факультет английского языка, 2020.

10. Шаховский В. И. Обоснование лингвистической теории эмоций // *Вопросы психолингвистики*. 2019. № 1 (39). С. 22-37.

11. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: монография / Рос. акад. наук. Ин-т языкознания, Волгогр. гос. пед. ун-т. Москва; Волгоград: Перемена, 2000. 367 с.

REFERENCES

1. Belyaevskaya E. G. Kontseptual'nyy analiz: rezul'tat, na kotoryy obychno ne obrashchayut vnimaniya // *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. 2022. № 4 (51). S. 89-94.

2. Gurbanov E. A. ogly, Nanaeva B. B. Mul'tikul'turnaya model' sotsiokul'turnogo razvitiya obshchestva v nezavisimom Azerbaydzhanе // *Paradigmy upravleniya, ekonomiki i prava*. 2023. № 1 (7). S. 19-24. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2023_N1.pdf (data obrashcheniya 07.02.2024).

3. Kall N. Dzh. Publichnaya diplomatiya: Taksonomiya i istoriya // *Annaly Amerikanskoй akademii politicheskikh i sotsial'nykh nauk*. 2008. 616 s.

4. Medouz B. Distantirovanie i demonstratsiya solidarnosti cherez metaforu i metonimiyu v

politicheskom diskurse: kriticheskoe issledovanie amerikanskikh zayavleniy po Iraku v 2004–2005 godakh // Kriticheskiy podkhod k diskursivnomu analizu mezhdru distsiplinami. 2007. T. 1 (2). S. 1-17.

5. Stepanova E. V. Manipulyativnyy potentsial verbal'nykh reprezentatsiy v amerikanskom politicheskom diskurse // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2024. Tom 17. Vypusk 1. <https://doi.org/10.30853/phil20240008>.

6. Syue Yu. Metody issledovaniya politicheskogo diskursa v kontekste tsifrovizatsii gumanitarnykh nauk // Politicheskaya lingvistika. 2023. № 1 (97). S. 136-143.

7. Khallin D. K., Manchini P. Novyy vzglyad: chetyre empiricheskikh tipa zapadnykh mediasistem // Kommunikatsionnyy zhurnal. Kembriджh: Izdatel'stvo Kembriджhskogo universiteta. 2004. 329 s.

8. Chernobrov D., Brayant E. L. Konkurriruyushchaya propaganda: kak SShA i Rossiya predstavlyayut vzaimnuyu propagandistskuyu deyatel'nost' // Politika. 2022. 42 (3). S. 393-409.

9. Shakhin Kh., Abdel'gaffar A., Negm M. Kriticheskiy diskurs-analiz izbrannykh yuridicheskikh i ekonomicheskikh testov, svyazannykh s pozhertvovaniyami v islamskikh neislamskikh stranakh: sravnitel'noe issledovanie. Universitet Mansura, fakul'tet iskusstv, fakul'tet angliyskogo yazyka, 2020.

10. Shakhovskiy V. I. Obosnovanie lingvisticheskoy teorii emotsiy // Voprosy psikholingvistiki. 2019. № 1 (39). S. 22-37.

11. Sheygal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa: Monografiya / Ros. akad. nauk. In-t yazykoznaneya, Volgogr. gos. ped. un-t. Moskva; Volgograd: Peremena, 2000. 367 s.

Информация об авторах

Екатерина Владимировна Степанова, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, ул. Гагарина, 8, 400066 г. Волгоград, Российская Федерация, stepanova.volg@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4860-0956>, SPIN-код: 3637-4696, Author ID: 579670.

Хамди Шахин, доктор лингвистических наук, заведующий кафедрой английского языка и литературы факультета искусств Университета Мансура, Мансура – улица Эль-Гомхория, 60, Университет Мансура, факультет искусств, Мансура, Египет, drshaheen@mans.edu.eg

Information about Authors

Ekaterina V. Stepanova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of the Department of Linguistics and Intercultural Communication of the Volgograd Institute of Management, branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 8, Gagarin str., 400066 Volgograd, Russian Federation, stepanova.volg@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4860-0956>, SPIN-код: 3637-4696, Author ID: 579670.

Hamdy Shaheen, PhD in Linguistics, Head of English Language and Literature, Faculty of Arts, Mansoura University, Mansoura - 60 El Gomhoria Street, Mansoura University, Faculty of Arts, Mansoura, Egypt, drshaheen@mans.edu.eg.

Для цитирования: Степанова Е. В., Хамди Шахин Образ России в американском политическом дискурсе: вербальные репрезентации // Парадигмы управления, экономики и права. 2024. № 1 (11). С. 7–15. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2024_N1.pdf

Citation: Stepanova E. V., Hamdy Shaheen, Images of Russia in American Political Discourse: Verbal Representations // Paradigms of Management, Economics and Law. 2024. № 1 (11). pp. 7–15. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2024_N1.pdf

ФИЛОСОФИЯ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ

PHILOSOPHY OF POWER AND MANAGEMENT

УДК 164.1:004

МАШИНЫ ТЬЮРИНГА В ПАРАДИГМЕ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

Вячеслав Владимирович Задорин

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС,
г. Волгоград, Российская Федерация

Наталья Николаевна Плужникова

Московский политехнический университет,
г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Во введении определяется термин «машина Тьюринга» и мотивируется его использование вместо менее определенного термина «искусственный интеллект» и производного термина «компьютерная программа». Раскрываются эпистемологические причины его появления в связи с проблемой разрешимости и его историческое значение.

Методы. При интерпретации проблемы разрешимости в исчислении высказываний авторы апеллируют к методам таблиц истинности в элементарной логике высказываний и методу эквивалентных преобразований в алгебре высказываний. При описании концепции машины Тьюринга используются общенаучные методы моделирования и абстрагирования.

Анализ. Происходит соотнесение существующих высокоуровневых программ, воспринимаемых пользователями цифровых устройств архитектуры фон Неймана, с абстрактно-идеальными устройствами Тьюринга, и фиксируется сложный и многоуровневый характер их отличия от аналогичной деятельности ученых на соответствующем уровне исследования. Научная парадигма интерпретируется как конвенция представителей отдельной специальности по вопросу определения базовых терминов и их совокупности, принятие того или другого набора «интуитивно очевидных» постулатов (аксиом), согласие с общей формулировкой общепринятых законов, владение определенными инструментами и методами, позволяющими решать показательные для данной специальности задачи («образцы»).

Результаты. На основании рассмотрения понятия «научная коллаборация» («research collaboration») в научном словообороте современной парадигмы и исходя из изоморфизма разрешающих процедур ученого и программы или потенциальному сведению к такому изоморфизму, в работе значение этого термина сужается до «коллаборация ученых и конечных машин Тьюринга в ходе научного исследования». Данная характеристика утверждается как существенное специфическое отличие парадигмы современной науки.

Ключевые слова: научная парадигма, научные коллаборации, разрешимость.

UDK 164.1:004

TURING MACHINES IN THE PARADIGM OF MODERN SCIENCE

Vyacheslav V. Zadorin

Volgograd Institute of Management, branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russian Federation

Natalia N. Pluzhnikova

Moscow Polytechnic University, Moscow, Russian Federation

Abstract. Introduction. The introduction defines the term “Turing machine” and motivates its use in place of the less defined term “artificial intelligence” and the derivative term “computer program”. The epistemological reasons for its appearance in connection with the problem of solvability and its historical significance are revealed.

Methods. When interpreting the problem of decidability in propositional calculus, the authors appeal to the methods of truth tables in elementary propositional logic and the method of equivalent transformations in propositional algebra. When describing the concept of a Turing machine, general scientific methods of modeling and abstraction are used.

Analysis. There is a correlation of existing high-level programs perceived by users of digital devices of von Neumann architecture with abstract-ideal Turing devices, and the complex and multi-level nature of their differences from similar activities of scientists at the corresponding level of research is recorded. A scientific paradigm is interpreted as a convention of representatives of a particular specialty on the issue of defining basic terms and their totality, the acceptance of one or another set of “intuitively obvious” postulates (axioms), agreement with the general formulation of generally accepted laws, possession of certain tools and methods that allow solving indicative problems for a given specialty tasks (“samples”).

Results. Based on a consideration of the concept of “research collaboration” in the scientific vocabulary of the modern paradigm and based on the isomorphism of the permitting procedures of the scientist and the program or the potential reduction to such isomorphism, the meaning of this term is narrowed in the work to “collaboration of scientists and finite Turing machines in during scientific

research”. This characteristic is stated as an essential specific difference in the paradigm of modern science.

Keywords: scientific paradigm, research collaborations, solvability.

Введение. Разрешимость и машины Тьюринга. В данной работе мы предпочитаем использовать термин «машины Тьюринга» вместо более популярных «искусственного интеллекта» и «компьютерная программа» [7, 8]. Это связано с тем, что первое понятие является формально более точно определенным по сравнению с понятием «искусственный интеллект», а понятие «компьютер» скорее производными из первого, чем наоборот. Концепция «машины Тьюринга» появляется вместе с выходом в свет в 1936 году работы Тьюринга «О вычислимых числах, с приложением к проблеме разрешимости» [9]. Моделирование работы этого абстрактно-идеального устройства призвано прежде всего дать наглядное представление о возможности или невозможности, а в случае возможности – о способе разрешения любых задач, условия и решения которых формулируются в некотором языке – произвольной знаковой системы. Такие системы называются *формальными*, если все типы значимых выражений в них представляют сами себя, т.е., как говорят, используются *автономно*. Изначально формальные системы стали занимать центральное место и выдвигаться на передний план в метаматематике – теории доказательств, как она замысливалась Гильбертом и Бернайсом в «Основаниях математики» (1939), а затем во «Введении в метаматематику» Клини (1952). Одна из очевидных целей этой теории – дать формальное определение понятиям «доказательство» и «выводимость» с тем, чтобы опираясь на них, тщательнейшим образом изучить свойства неформальных (содержательных) теорий. К таким свойствам с конца XIX века стали относить *непротиворечивость* – отсутствие возможности одновременного доказательства некоторого высказывания и его отрицания, *полноту* – возможность доказательства всех теорем или выражений истинных в любых содержательных моделях предметных областей – моделей, *независимость* исходных положений (аксиом) друг от друга (невыводимость друг из друга) и другие. Если в рамках теории мы располагаем процедурой, позволяющей однозначно решить вопрос о каком-либо свойстве какого-либо значимого выражения, то такой вопрос считается *разрешимым*, а процедура – *разрешающей процедурой*.

Методы. В простейшей содержательной логической теории – теории истинностных функций или элементарной логике высказываний, построение таблицы истинности для любого значимого выражения (формулы) – это разрешающая процедура для определения свойств данного выражения, в частности, его тождественной истинности, тождественной ложности или нейтральности. Поскольку таблица истинности потенциально *может быть построена для любой формулы* с конечным числом элементарных формул – пропозициональных букв, постольку элементарная логика высказываний считается *разрешимой* логической теорией. Свойства формул теории истинностных функций характеризуют последнюю именно как *содержательную* логическую теорию, т.е. они определяются на заданных (уже известных) различных предметных областях – моделях или интерпретациях. При построении формальной теории таких свойств у ее значимых выражений уже не будет, поскольку они *лишены значений*.

Зато значимые выражения формальной теории таковы, что их внешний вид позволяет судить об их свойствах. Например, мы можем однозначно решать круг следующих вопросов: 1) является ли произвольный символ символом нашей формальной системы, и 2) является ли произвольная последовательность символов формальной теории значимым выражением. Более того, в исчислении высказываний концепция *совершенных дизъюнктивных нормальных форм* формул позволяет однозначно решить вопрос – является ли данная формула тождественно истинной в теории моделей и теоремой в теории доказательств: если количество попарно различных элементарных конъюнкций формулы равно 2^n , где n – количество пропозициональных букв (простейших формул или аргументов истинностной функции), то данная формула именно такова.

Вместе с тем становится очевидно, что, когда предметная область изучаемых объектов *потенциально бесконечна*, осуществление подобной разрешающей процедуры *невозможно*. Более того, реализация лексикографического порядка при построении таблицы истинности и поступательное определение значений формулы в каждой из соответствующих интерпретаций (являющееся, кстати, примером работы алгоритма полного перебора или, как еще говорят, «грубой силы») требует экспоненциального роста (с увеличением количества аргументов нашей истинностной функции) ресурсов хранения и времени нахождения значений – что в действительности весьма критично для разрешающих устройств – будь то человек или программа. Концепция машины Тьюринга – это описание разрешающей процедуры для поиска бесконечного количества ответов на один и тот же простейший вопрос или на последовательность таких взаимосвязанных и элементарных вопросов.

Итак, *машина Тьюринга* – это абстрактно-идеальное устройство, состоящее из: 1) бесконечной (поэтому абстрактно-идеальной) Ленты, представляющей собой строку совершенно одинаковых пустых клеток (ячеек), 2) считывающего, стирающего и записывающего Устройства, 3) Набора последовательностей символов, которое Устройство может выполнять как команду, 4) Набора символов, которые Устройство может считывать и записывать на ленту. Работа машины Тьюринга заключается в выполнении за один шаг одного простейшего действия в строгом (в этом ещё одна причина её абстрактной идеальности) соответствии с одной командой программы в единицу времени. «Строгом» – то есть, мы предлагаем, что машина Тьюринга не ошибается и на каждом шаге (такте) имеет достаточно ресурсов для его выполнения. Программа представляет собой последовательность (список) уникальных, т.е. попарно различных, команд. Поскольку ни одна команда не повторяется, мы можем говорить о командах как об элементах, а о программе как о множестве команд. Команда, в свою очередь, представляет собой предписание, адресованное машине, перейти из одного состояния в другое или остаться в том же самом. В командах машины Тьюринга содержится, ближайшим образом, описание двух следующих составляющих: 1) состояния, в котором машина находится сейчас, – обычно указывается числовым индексом (например, в правом нижнем углу) и считываемый в данный момент с ленты символ, 2) состояния, в которое машина переходит (возможно остаётся в том же самом), символ, который должен быть записан в данную ячейку (или оставлен прежний, или стёрт прежний) и направление движения считывающего устройства по ленте

(влево, вправо или остаётся на месте). Так, выражение: « $q_0, 0 \rightarrow q_1, 0, R$ » будет представлять собой команду из исходного состояния q_0 , в котором считается пустая ячейка (0), перейти (\rightarrow) в следующее состояние q_1 , оставить считываемую ячейку пустой (0) и сдвинуть Устройство вправо (R).

Машины Тьюринга, проходящие тест Тьюринга. Тест Тьюринга – это не абстрактно-идеальное устройство типа машины Тьюринга, а процедура, сегодня вполне эмпирически реализуемая – процесс обмена текстовыми сообщениями, при котором один из корреспондентов должен решить, является ли другой человеком или искусственным устройством. Концепция теста Тьюринга была сформулирована им в 50-х годах XX века, и сегодня, спустя 70 лет, мы видим, что работа алгоритмов «нейронных» сетей высокоуровневых компьютерных программ вполне адекватно до определенного уровня, до определенной границы воспроизводит процедуру обмена текстовыми сообщениями двух людей. В обмене сообщениями, моделирующими общение в ходе вопросно-ответных ситуаций и решения задач начального образовательного уровня, ответы специализированных чат-ботов в подавляющем большинстве случаев будут восприниматься корреспондентами уровня «начинающий» как ответы корреспондентов уровня «эксперт». Иными словами, программа успешно пройдет процедуру теста Тьюринга. Возможность моделирования чат-ботами различных стилей поведения собеседников затруднит распознавание программы и людьми-экспертами в избранной предметной области.

Текстовые чат-боты, как и машины Тьюринга, принимают входные данные, обрабатывают их в соответствии с заложенными в командах алгоритмами и выдают результаты из имеющейся в их распоряжении базы данных. Реальные компьютеры и программы, включая искусственный интеллект, имеют ограничения по памяти и вычислительным ресурсам, в отличие от абстрактной машины Тьюринга, которая теоретически обладает бесконечной памятью и неограниченным временем на выполнение операций.

Сегодня определение, с кем мы общаемся – человеком или чат-ботом, может быть довольно сложной задачей, особенно учитывая современные достижения в области искусственного интеллекта. Для ученого-эксперта это: 1) задание неоднозначных вопросов – чат-боты, хотя и обучены понимать широкий спектр запросов, могут испытывать трудности с интерпретацией неоднозначных вопросов или вопросов, требующих глубокого анализа и понимания контекста; 2) интенсивное использование воображения – чат-боты могут создавать креативный контент, но часто их ответы звучат менее естественно или они используют заранее заготовленные фразы; 3) глубина и аутентичность эмоционального отклика – чат-боты могут имитировать эмоциональные реакции, но человеческие эмоции гораздо сложнее и многообразнее; 4) знания о недавних новостях или событиях – некоторые боты могут быть обновлены в реальном времени, они могут не иметь способности к глубокому анализу свежих событий.

В свою очередь, программа может решить, что обменивается сообщениями с человеком, а не с другим чат-ботом, используя: 1) анализ структуры и логики ответов – как правило,

ответы, характерные для чат-ботов, более формализованы и структурированы; 2) спонтанность и непредсказуемость; 3) решение задач, требующих общего знания или креативности – часто способы и методы решения могут выдать нечеловеческий характер мышления.

Что отличает ученого от не-ученого и каковы уровни экспертности? В ситуации, когда участники коммуникации не знакомы друг с другом – это, прежде всего, *диплом*, удостоверяющий его образование. Диплом показывает связь индивида и «школы» – *Alma mater*, учреждения, где происходил образовательный процесс, а также, что его предьявитель знает определения ключевых терминов соответствующей специальности, формулировку базовых законов и закономерностей некоторого круга научных теорий, включающего общие и значительное количество частных, и владеет методами, необходимыми для решения специализированных задач и проблем в избранной предметной области. Результат образовательного процесса предполагает знание общей теории научной дисциплины, но отнюдь не предполагает, что дипломированный специалист сразу после окончания образовательного процесса начнет вносить в эту теорию какие-либо изменения (добавляя «научную новизну» и «авторский вклад»). Поэтому знакомство с содержанием общих и большинства частных теорий будущей ученый начинает с *учебников*, в которых собраны определения основных терминов, формулировки законов и теорем, а также даются задачи и упражнения для овладения теми методами, которые должны помочь будущему специалисту решать специфические для данной специальности проблемы и вопросы. Образовательный процесс не предполагает (хотя, понятное дело, и не исключает) знакомство будущего ученого с *монографиями* ведущих специалистов данной специальности. Вместе с тем, в известном смысле, мы можем оценить качество образовательного процесса по знакомству выпускников образовательного учреждения с ведущими *статьями в специализированных журналах*.

Что должна содержать статья в специализированном журнале, чтобы отражать (выражать) существующую научную парадигму? Предполагается, что авторы статей в таких журналах обладают навыками экспертов в тех специальностях, по которым проходили защиты их диссертационных исследований. Им хорошо знакомы наборы терминов, общераспространенные в частных теориях данной специальности, а потому считается моветоном их определение в рамках статьи, если только ее автор не претендует на своеобразие собственной теоретической модели. Именно частные научные теории, как правило, содержат основной перечень тех «проблем» и «задач», которые считаются актуальными сообществом ученых-специалистов.

Место и время, где ученые-специалисты обмениваются результатами полученных исследований, их обсуждают и знакомятся друг с другом – это *специализированные конференции*. Здесь формулируются, отбираются и отбраковываются научные проблемы и задачи, становящиеся актуальными. Предьявление диплома в этом случае не является необходимым – выступление на конференции свидетельствует об уровне квалификации. Зачастую конференции считаются «плодотворными», если по их итогам формируются группы исследователей, принимающих решение о совместном *участии в проектах*. С другой стороны, представление

итогах исследовательской деятельности таких проектов на конференциях тоже считается обязательным параметром их оценки организаторами работы проектов (например, государственными, межгосударственными или частными фондами).

Приверженность парадигме. Наличие диплома, знание учебников, умение решать специфические типовые задачи и отвечать на ряд специализированных вопросов, знакомство с ведущими монографиями и наиболее цитируемыми публикациями в специализированных журналах, участие в соответствующих конференциях и исследовательских проектах – все вышеперечисленные свойства относятся к *внешней, формальной* стороне деятельности ученого. «*Внутреннюю*» или *содержательную* сторону специфической деятельности ученого составляет **парадигма** – конвенция с другими представителями собственной специальности по вопросу определения совокупности базовых терминов научной дисциплины, принятие того или другого набора «интуитивно очевидных» (хотя, «очевидных» для каждого направления – своего) постулатов (аксиом), согласие с общей формулировкой общепринятых законов, владение теми инструментами и методами, которые позволят решить наиболее показательные для данной специальности задачи («образцы», как их называет Томас Кун).

«Парадигмы и структура научного сообщества». «Парадигма – это то, что объединяет членов научного сообщества, и, наоборот, научное сообщество состоит из людей, признающих парадигму» [4, с. 226].

«Большинство ученых-исследователей сразу решают вопрос о своей принадлежности к научному сообществу, считая само собой разумеющимся, что принадлежность к данной группе хотя бы в общих чертах определяет ответственность за различную специализацию внутри группы. Поэтому я допускаю здесь, что для их идентификации можно найти более систематические средства ...» [4, с. 227].

Общераспространенная позиция: «научное сообщество состоит из исследователей с определенной научной специальностью..., они получили сходное образование и профессиональные навыки; в процессе обучения они усвоили одну и ту же учебную литературу и извлекли из нее одни и те же уроки. Обычно границы этой литературы отмечают границы предмета научного исследования, а каждое научное сообщество, как правило, имеет свой собственный предмет исследования. Есть научные школы, то есть сообщества, которые подходят к одному и тому же предмету с несовместимых точек зрения. Но в науке это бывает значительно реже, чем в других областях человеческой деятельности; такие школы всегда конкурируют между собой, но конкуренция обычно быстро заканчивается. В результате члены научного сообщества считают себя и рассматриваются другими в качестве единственных людей, ответственных за разработку той или иной системы разделяемых ими целей, включая и обучение учеников и последователей. В таких группах коммуникация бывает обычно относительно полной, а профессиональные суждения относительно единодушными. Поскольку, с другой стороны, внимание различных научных сообществ концентрируется на различных предметах исследования, то профессиональные коммуникации между обособленными научными группами иногда затруднительны <...>

Сообщества в этом смысле существуют, конечно, на множестве уровней. Наиболее глобальным является сообщество всех представителей естественных наук. Немного ниже в этой системе основных научных профессиональных групп располагается уровень сообществ физиков, химиков, астрономов, зоологов и т. п. Для этих больших группировок установить принадлежность того или иного ученого к сообществу не составляет большого труда, за исключением тех, которые располагаются ближе к периферии сообщества. Когда речь идет о сложившихся дисциплинах, членство в профессиональных обществах и чтение журналов – вот более чем достаточные признаки этой принадлежности. Подобным образом выделяются также большие подгруппы: специалисты по органической химии, а среди них, возможно, по химии белков, специалисты по физике твердого тела и физике высоких энергий, специалисты по радиоастрономии и т. д. Только на следующем, более низком уровне возникают эмпирические проблемы. Каким образом, если взять современный пример, должна быть выделена группа специалистов, изучающих бактериофаги, прежде чем эта группа каким-то образом публично оформится? Для этой цели следует побывать на специальных конференциях, изучить распределение планов написания рукописей или прочитать гранки будущих публикаций, а главное, прибегнуть к изучению формальных и неформальных систем коммуникаций, включая и те, которые раскрываются в переписке и способах цитирования*. Я считаю, что такая работа может быть проделана и будет проделана по крайней мере в сфере современной науки и недавней ее истории. Как правило, такому исследованию поддаются сообщества, состоящие, может быть, из ста членов, иногда значительно меньшие. Обычно отдельные ученые, особенно наиболее талантливые, принадлежат либо одновременно, либо последовательно к нескольким группам такого типа.

Сообщества данного вида – это те элементарные структуры, которые в настоящей книге представлены как основатели и зодчие научного знания. Парадигмы являют собой нечто такое, что принимается членами таких групп. Многие аспекты науки, описанные на предшествующих страницах, едва ли могут быть поняты без обращения к природе этих разделяемых сообществом элементов знания. Но другие аспекты можно изучить и без обращения к природе сообщества, хотя в книге я специально не останавливался на этих аспектах. Таким образом, прежде чем обращаться непосредственно к парадигмам, целесообразно рассмотреть ряд вопросов, которые для своего разрешения требуют анализа структуры сообществ» [4, 227-229].

Научные коллаборации. По данным ресурса Академия Гугл (Scholar Google) словосочетание «научная коллаборация» встречается только 11 раз в русскоязычных публикациях до 2016 года включительно, тогда как вплоть до сегодня – уже 114, т.е. в среднем, за год выходило 13 публикаций, из них в связи с социологией или социологическими методами – 43. Наиболее цитируемые релевантные работы: [1], [3], [5]. Некоторые авторы приходят к выводу, что «Научная коллаборация – это коллективное организационное сетевое хозяйственное объединение двух и более автономных субъектов, которыми могут быть как государства, так и частные организации и отдельные ученые, для взаимодействия и достижения общей цели –

реализации основного и вспомогательных проектов» [3, с. 76]. Это определение формулируется Ю. Ш. Коробкиной и А. М. Омельченко как результат интеграции множества подходов, среди которых особняком стоит компетентностный подход О. В. Иншакова: «В аспекте сущности и содержания коллаборация определяется как процесс совместной трудовой, производственной или хозяйственной деятельности двух и более хозяйственных субъектов (индивидуальных или групповых) для достижения общих целей, при котором на принципах согласия и доверия происходит взаимовыгодный обмен знаниями, обучение участников для повышения их компетенций, производство инновационных продуктов со значительным интеллектуальным компонентом для продвижения на рынок и достижения значимых кумулятивных эффектов. В аспекте явления и формы коллаборация представляет собой кооперацию в контексте экономики знаний и конкретизируется по субъектам и объектам, уровням и масштабам, сферам и отраслям, секторам и сегментам глобальной экономической системы (GES). Данную форму сотрудничества, обучающего и порождающего новые знания, можно рассматривать как на уровне отдельных работников, так и на уровне организаций или целых государств, их интеграционных союзов и инвестиционных альянсов» [2, с. 39]. Работа В. В. Пронских [5] носит краткий обзорный характер общих проблем современных научных исследований, проводимых коллаборациями. Автор рассматривает коллаборации как распределенные организации с переменным членством, состоящие из большого числа (иногда – нескольких тысяч) участников, распространенных, преимущественно, в физике, биомедицине и климатологии. Среди вышеуказанных проблем В. В. Пронских выделяет: вопросы авторства, эпистемической собственности, разделения труда в междисциплинарном исследовании и вопросы научной организации – рецензирования и распределения заслуг в коллективе.

В работе В. В. Богатова, Д. С. Сыроежкиной научные коллаборации определяются, как укрупненный инфраструктурный элемент научно-технологического комплекса, включающий в себя научные организации, научное оборудование и исследователей [1], что подчеркивает фактор изучения коллабораций как объектов управленческой деятельности. Для изучения (и выявления) коллабораций авторы предлагают использовать современные информационные технологии, которые они применили при исследовании объединений на базе Федерального агентства научных организаций России и Минобрнауки России и отражения «динамики публикационной активности наиболее крупных коллабораций». По версии В. В. Богатова и Д. С. Сыроежкиной «большинство коллабораций существует на основе территориальной близости, при этом взаимодействие организаций происходит на основе общей тематики исследования», а устойчивость взаимодействию придают «крепкие связи между организациями: центры коллективного пользования, уникальные научные установки, совмещение исследователями работы в нескольких научных учреждениях (базовые кафедры), общее финансирование». Между тем, «такого понятия, как «научная коллаборация», не существует в нормативно-правовых документах, хотя это реально существующее явление, которое генерирует значительную долю научно-технических результатов» [1, с. 40].

С тезисом *отсутствия в нормативно-правовом и государственно-управленческом словообороте* термина «научная коллаборация» нельзя не согласиться. В редакции, которую Федеральный закон от 23.08.1996 N 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» претерпел 24.07.2023, в статье 5 по-прежнему *научными организациями* считаются юридические лица и общественные объединения научных работников, «осуществляющие в качестве основной деятельности научную и (или) научно-техническую деятельность», а также образовательную по соответствующим программам. Если научная организация является государственной или муниципальной, то в ней «могут учреждаться должность *руководителя научного направления* и (или) должность *научного руководителя* научной организации в порядке, определяемом ее уставом», которые «обеспечивают формирование приоритетных направлений и (или) тематики научных исследований в научной организации». Вообще, согласно статье 4, научные работники вправе создавать на добровольной основе *общественные объединения* (в том числе научные, научно-технические и научно-просветительские общества, общественные академии наук), а «научным работником (исследователем) является гражданин, обладающий необходимой квалификацией и профессионально занимающийся научной и (или) научно-технической деятельностью». В документации Российского научного фонда, который был учрежден по инициативе Президента России в конце 2013 года, говорится о «проведении фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований» *малыми отдельными научными группами* и просто *отдельными научными группами*. Малыми отдельными научными группами считаются коллективы от 2 до 4 исследователей, а коллективы исследователей свыше этого количества – отдельными научными группами.

В большинстве англоязычных исследований, посвященных научным коллаборациям (research collaboration), происходит осмысление таких концепций, как: 1) *анализ социальных сетей участников научно-исследовательского процесса* – изучение того, как ученые связаны друг с другом посредством отношений сотрудничества, какова структура этих взаимодействий и их закономерности, а также влияние на производство научных знаний; 2) *преимущества сотрудничества* – предполагается, что коллаборации способны привести к большим инновациям, производительности и воздействию, чем усилия отдельных ученых; совместная работа с другими может обеспечить доступ к различным точкам зрения, ресурсам и опыту, что приведет к лучшим результатам; 3) *демаркация специальностей* – установление и фиксация (пересмотр) границ между дисциплинами, исследовательскими традициями и областями знаний, научные коллаборации, с одной стороны, преодолевают эти границы, а с другой – их укрепляют; 4) *типизация научных сообществ* – фокусируется идея о том, что ученые часто работают внутри определенных сообществ или групп, которые разделяют общие интересы, ценности и нормы, что непосредственно влияет на формы сотрудничества, темы исследований и способы производства и проверки знаний; 5) *динамика власти* – рассматривает неравномерное распределение ресурсов, влияния и признания внутри коллаборации, исследуется такие факторы, как институциональная принадлежность, источники финансирования и личная репутация, а также то, как эти факторы могут формировать динамику сотрудничества и влиять на результаты научных исследований.

Е. Лихей: (Leahey E) «Сотрудничество в коллаборациях стало нормой в научных исследованиях и получило широкое распространение... Однако предстоит еще многое сделать. Формы сотрудничества в коллаборациях многомерны и зачастую перекрывают друг друга, они междисциплинарны и интернациональны. В дальнейшем нам следует начать оценивать, как выгоды и затраты на сотрудничество варьируются в зависимости от разных его типов... Систематическое внимание следует также уделять роли технологий. Без компьютерных технологий (Интернет, Skype, программы обмена документами, программное обеспечение для совместного редактирования), сотрудничество (особенно между учреждениями и географическими границами) оставалось бы минимальным, несмотря на усиление специализации и доступность финансирования. Технологии также позволяют исследователям получать доступ к новым видам данных и использовать большие объемы данных для ответа на важные научные вопросы» [6].

Заключение. Дискуссия и перспективы. Обсуждение ответственности. Если мы говорим о «Сильном Искусственном Интеллекте», то его действия должны быть *непредсказуемыми* для авторов его программы, поскольку если они будут предсказуемы – программа не заслуживает названия «Сильного Искусственного Интеллекта» – это просто программа, созданная людьми, которые несут полную ответственность за ее действия, поскольку ее поведение в принципе предсказуемо в любых (!) возможных сценариях. Однако если действия непредсказуемы, то как за них могут нести ответственность авторы программы?

Мы можем сегодня исходить из того, что в ближайшем будущем интеграция конечных машин Тьюринга в научные исследования будет происходить по следующим направлениям: 1) глубокое партнерство в научных исследованиях – программы станут не просто инструментом в руках ученых, а полноценными партнерами, способными к самостоятельным исследованиям, формулировке гипотез и даже творческому мышлению; системы искусственного интеллекта будут автоматически проводить эксперименты, анализировать данные и предлагать новые направления исследований; 2) персонализированная медицина – анализ генома, образа жизни, окружающей среды и других данных позволит создавать индивидуальные планы лечения и профилактики заболеваний, значительно повышая эффективность медицинской помощи; 3) решение глобальных проблем – например, изменение климата, загрязнение окружающей среды и нехватка продовольствия; например, алгоритмы могут оптимизировать использование ресурсов, разрабатывать новые материалы для захвата углекислого газа или создавать высокоэффективные сорта растений; 4) образование и обучение – адаптация учебного процесса под индивидуальные особенности, стиль обучения и интересы ученика; 5) космические исследования – автономные системы будут играть ключевую роль в изучении космоса, управляя космическими аппаратами, проводя сложные операции на орбите и за ее пределами, а также исследуя далекие планеты без непосредственного участия человека; 6) развитие креативности компьютерных программ – создание полноценных произведений живописи, музыкального и художественного искусства. Впрочем, человечеству надо помнить и о потенциальных рисках и этических дилеммах, связанных с развитием конечных машин Тьюринга, чтобы обеспечить безопасное и справедливое использование цифровых технологий в интересах всего человечества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Богатов В. В., Сыроежжина Д. С. Коллаборации научных организаций как элемент инфраструктуры науки // Управление наукой и наукометрия. 2016. №. 4. С. 30-44.
2. Иншаков О. В. Коллаборация как глобальная форма организации экономики знаний // Экономика региона. 2013. №. 3 (35). С. 38-44.
3. Коробкина Ю. Ш., Омельченко А. М. Научные коллаборации: определение, классификации и характеристики // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2017. Том 7. № 4А. С. 72-83.
4. Кун Т. Структура научных революций: Пер. с англ. / Т. Кун; Сост. В. Ю. Кузнецов. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 605 с.
5. Пронских В. В. Научная коллаборация: философско-методологические проблемы // Epistemology & Philosophy of Science. 2020. Т. 57. №. 4. С. 112-116.
6. Leahey E. From sole investigator to team scientist: Trends in the practice and study of research collaboration // Annual review of sociology. 2016. Т. 42. С. 81-100.
7. Pluzhnikova N. N. (2022) Digitalization of education and information technologies as a factor of agribusiness development. In: BIO Web of Conferences, V. 53. № 07001. <https://doi.org/10.1051/bioconf/20225307001>.
8. Pluzhnikova N. N. (2020) Technologies of artificial intelligence in educational management. In: International Conference on Engineering Management of Communication and Technology, EMCTECH 2020 – Proceedings, Austria: Viena. <http://dx.doi.org/10.1109/EMCTECH49634.2020.9261561>.
9. Turing Alan Mathison 1936-7. On computable numbers, with an application to the Entscheidungsproblem. Proc. London Math. Soc., ser. 2, vol. 42 (1936-7), pp. 230-265. A correction, ibid., vol. 43 (1937), pp. 544-546. Reprinted in Davis 1965, pp. 115-154.

REFERENCES

1. Bogatov V. V., Syroezhkina D. S. Kollaboratsii nauchnykh organizatsiy kak element infrastruktury nauki // Upravlenie naukoy i naukometriya. 2016. №. 4. S. 30-44.
2. Inshakov O. V. Kollaboratsiya kak global'naya forma organizatsii ekonomiki znaniy // Ekonomika regiona. 2013. №. 3 (35). S. 38-44.
3. Korobkina Yu. Sh., Omel'chenko A. M. Nauchnye kollaboratsii: opredelenie, klassifikatsii i kharakteristiki // Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra. 2017. Tom 7. № 4A. S. 72-83.
4. Kun T. Struktura nauchnykh revolyutsiy: Per. s angl. / T. Kun; Sost. V. Yu. Kuznetsov. M.: ООО «Izdatel'stvo AST», 2003. 605 s.
5. Pronskikh V. V. Nauchnaya kollaboratsiya: filosofsko-metodologicheskie problemy // Epistemology & Philosophy of Science. 2020. Т. 57. №. 4. S. 112-116.
6. Leahey E. From sole investigator to team scientist: Trends in the practice and study of research collaboration // Annual review of sociology. 2016. Т. 42. S. 81-100.
7. Pluzhnikova N. N. (2022) Digitalization of education and information technologies as a factor of agribusiness development. In: BIO Web of Conferences, V. 53. № 07001. <https://doi.org/10.1051/bioconf/20225307001>.

8. Pluzhnikova N. N. (2020) Technologies of artificial intelligence in educational management. In: International Conference on Engineering Management of Communication and Technology, EMCTECH 2020 – Proceedings, Austria: Vena. <http://dx.doi.org/10.1109/EMCTECH49634.2020.9261561>.

9. Turing Alan Mathison 1936-7. On computable numbers, with an application to the Entscheidungsproblem. Proc. London Math. Soc., ser. 2, vol. 42 (1936-7), pp. 230-265. A correction, *ibid.*, vol. 43 (1937), pp. 544-546. Reprinted in Davis 1965, pp. 115-154.

Информация об авторах

Вячеслав Владимирович Задорин, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социологии, общей и юридической психологии Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы, ул. Гагарина, 8, 400131 г. Волгоград, Российская Федерация, formessage07@mail.ru, ORCID 0000-0002-0159-3237, SPIN-код: 2860-5803, AuthorID: 323895.

Наталья Николаевна Плужникова, кандидат философских наук, доцент кафедры «Гуманитарные дисциплины» Московского политехнического университета, ORCID 0000-0002-4143-1216; г. Москва, Российская Федерация, E-mail: pluzhnikova_1982@bk.ru, SPIN-код: 2674-2842, AuthorID: 533506.

Information about Authors

Vyacheslav V. Zadorin, Candidate of Philosophy Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology, General and Legal Psychology, Volgograd Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Gagarin st., 8, 400006 Volgograd, Russian Federation, formessage07@mail.ru, ORCID 0000-0002-0159-3237, SPIN-код: 2860-5803, AuthorID: 323895.

Natalia N. Pluzhnikova, Candidate of Philosophy Sciences, Associate Professor of the Department of Department of Humanities, Moscow Polytechnic University, ORCID 0000-0002-4143-1216; Москва, Россия, E-mail: pluzhnikova_1982@bk.ru, SPIN-код: 2674-2842, AuthorID: 533506.

Для цитирования: Задорин В. В., Плужникова Н. Н. Машины Тьюринга в парадигме современной науки // Парадигмы управления, экономики и права. 2024. № 1 (11). С. 16–28. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2024_N1.pdf

ЭКОНОМИКА

ECONOMICS

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ

NATIONAL INTERESTS

УДК 332.12(510)

РАСЧЕТ ВЫСОКОГО УРОВНЯ РАЗВИТИЯ И ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ЛОГИСТИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ КИТАЯ*

Тянь Цян

Университет Яньтай Наньшань, Яньтай, Китай

Лю Янь

Чанчуньский университет, Чанчунь, Китай

Ли Цзиньхуа

Университет Яньтай Наньшань, Яньтай, Китай

Аннотация. Метод TOPSIS на основе энтропийного веса используется для расчета высокого уровня развития логистической отрасли в 31 провинции Китая в 2011–2020 годах, а также для проверки пространственных различий и автокорреляции с использованием индекса Тейла и индекса *I Морана*. Результаты показывают, что: (1) высококачественный уровень развития логистической индустрии в Чжэцзяне, Гуандуне, Шанхае, Пекине и Цзянсу занимает первое место; (2) высококачественное развитие логистической индустрии ускоряется после 2014 года; (3) пространственные различия главным образом обусловлены дисбалансом в северо-западном Китае и Восточном Китае; (4) пространственная автокорреляция значительна и постепенно увеличивается. Наконец, в целях содействия высококачественному развитию и скоординированному развитию логистической отрасли предлагаются некоторые предложения и контрмеры.

Ключевые слова: логистическая индустрия; высокий уровень развития; метод TOPSIS на основе энтропийного веса; индекс Тейла; индекс Морана.

* Проект фонда: 2023 г. Общий исследовательский проект Китайского общества логистики «Исследование пространственной и временной неоднородности скоординированного развития провинциальной промышленности и логистической отрасли в Китае (2023CSLKT3-126)»

UDK 332.12(510)

MEASUREMENT OF HIGH-QUALITY DEVELOPMENT LEVEL AND ITS SPATIAL CHARACTERISTICS OF LOGISTICS INDUSTRY IN CHINA*

Tian Qiang

Yantai Nanshan University, Yantai, China

Liu Yan

Changchun University, Changchun, China

Li Jinhua

Yantai Nanshan University, Yantai, China

Abstract. The entropy weight-TOPSIS method is used to calculate the high-quality development level of logistics industry in 31 provinces of China in 2011–2020, and to test its spatial differences and autocorrelation using Theil index and *Moran's I* index. The results show that: (1) the high-quality development level of logistics industry in Zhejiang, Guangdong, Shanghai, Beijing and Jiangsu ranks the top; (2) the high-quality development of logistics industry is accelerated after 2014; (3) the spatial differences mainly come from the imbalance in northwest China and East China; (4) the spatial autocorrelation is remarkable and gradually increasing. Finally, in order to promote the high-quality development and coordinated development of the logistics industry, some suggestions and countermeasures are put forward.

Keywords: logistics industry; high-quality development; entropy weight-TOPSIS; Theil index; *Moran's I* index.

1. Introduction

The report of the 20th National Congress pointed out that high-quality development is the primary task for building a modern socialist country in all respects. The premise of high-quality economic and social development is the high-quality development of the industry (Fang Ouyang, 2020). The high-quality development of the logistics industry is an important driving force to promote the high-quality development of China's economy (Yunchun Cao, 2020). It is of great significance to analyze the high-quality development level of China's logistics industry from a macro perspective and explore its spatial characteristics to clarify the key elements in the process of high-quality development of regional logistics in China.

2. literature review

According to the research method, current research on the development of logistics quality can be divided into the following two categories: one is the qualitative research, aims to analyze a specific area of logistics quality development status and put forward scientific and reasonable suggestions. Liming He (2018), Bo Zhang (2020) pointed out the problems of logistics high-quality development and put forward the corresponding suggestions. The other is the quantitative research, aims

* Fund project: 2023 General research project of China Society of Logistics "Research on the spatial and temporal Heterogeneity of coordinated Development of Provincial Manufacturing and Logistics industry in China (2023CSLKT3-126)"

to measure the high-quality development level of the logistics industry in different regions and influencing factors. For example, Yunchun Cao et al. (2020) measured the efficiency of the logistics industry with DEA-Malmquist method and explored the influencing factors of the high-quality development of the logistics industry with qualitative comparative analysis method. Weihua Gan et al. (2020) and Aoni Zhao (2022) evaluated the high-quality development level of logistics industry of six central provinces and Shanxi province by using the entropy weight-TOPSIS method. Zijing Liang et al. (2021) calculated the logistics productivity level of 13 cities in Jiangsu Province with functional data analysis method under high-quality development background.

To sum up, although the existing research results are relatively rich, there are still the following shortcomings: Firstly, most scholars only consider the total amount of indicators without considering the index productivity level when constructing the evaluation indicator system for the high-quality development of the logistics industry. Secondly, there is a lack of deep discussion on the spatial difference and autocorrelation of the high-quality development level of the logistics industry. Therefore this paper constructs the evaluation indicator system from the perspective of productivity, uses entropy weight-TOPSIS method to measure high-quality development level of logistics industry in 2011-2020, then uses the Theil index and global *Moran's I* index to test its spatial differences and autocorrelation characteristics, finally puts forward countermeasures according to the empirical results in order to promote the development of logistics industry in China.

3. Methodology

(1) Entropy weight-TOPSIS model

Entropy weight method is an objective empowerment method. According to the variation degree of each index, it calculates entropy weight of each index using information entropy, and then corrects the weight of each index through the entropy weight, so as to get a more objective index weight. Assuming there are m items to be evaluated and n evaluation index to form the original data matrix: $R = (r_{ij})_{m \times n}$

$$R = \begin{pmatrix} r_{11} & r_{12} & \dots & r_{1n} \\ r_{21} & r_{22} & \dots & r_{2n} \\ \dots & \dots & \dots & \dots \\ r_{m1} & r_{m2} & \dots & r_{mn} \end{pmatrix}_{m \times n} \quad (1)$$

In the case of obtaining the original data matrix, the attributes of the index should usually be analyzed firstly. If there is a negative index, the data needs to be processed positively, and then the data should be standardized later. Since all the indicators selected in this paper are positive indicators, the data standardization method can be directly used to reduce the influence of different dimensions on the calculation results. At present, there are many methods of data standardization, including extremum method, normalization method, mean method, etc. Here, the mean method is selected to standardize the original data. The calculation formula is:

$$R_{ij} = \frac{r_{ij}}{\bar{r}_{ij}}$$

$R_{ij}, r_{ij}, \bar{r}_{ij}$ represent the standardized data of the i item of j index, the original data and mean of the standardized data respectively. After obtaining standardized data, the weight needs to be calculated for each indicator. Firstly, to calculate the proportion $P_{ij}(P_{ij} = \frac{r_{ij}}{\sum_{i=1}^m r_{ij}})$ of the i item of the j index, then to calculate the entropy value $e_j(e_j = -k \sum_{i=1}^m P_{ij} \cdot \ln P_{ij}), k = \frac{1}{\ln m}$, m refers to the number of items, then to calculate the entropy weight $w_j(w_j = \frac{(1-e_j)}{\sum_{j=1}^n (1-e_j)})$ of the j index. The entropy weight is taken as the weight of the index, and then the TOPSIS model is used to calculate the relative closeness degree value which reflects the high-quality development level of the logistics industry. Entropy weight-TOPSIS model is a kind of comprehensive evaluation method, the model principle is to use the entropy weight method for the index empowerment, and identify the maximum value and the minimum value of the annual data, then calculate the “distance” of the maximum value and the minimum value, finally calculate the relative closeness degree of annual data and the maximum value (Tingjia Gou, 2020). The calculation method is provided as follows:

The weighting matrix is:

$$Z = \begin{bmatrix} Z_{11} & \dots & Z_{1n} \\ \dots & \dots & \dots \\ Z_{m1} & \dots & Z_{mn} \end{bmatrix} \tag{2}$$

$$Z_{ij} = R_{ij} * w_j$$

In the above equation, w_j is the weight of the j index.

Then the maximum value and the minimum value are determined, respectively:

$$Z^+ = (\max Z_{i1}, \max Z_{i2}, \dots, \max Z_{in}) \tag{3}$$

$$Z^- = (\min Z_{i1}, \min Z_{i2}, \dots, \min Z_{in}) \tag{4}$$

Then the distance $D_i^+ D_i^-$ between Z^+ and Z^- is calculated:

$$D_i^+ = \sqrt{\sum_{i=1}^n (\max Z_{ij} - Z_{ij})^2} \tag{5}$$

$$D_i^- = \sqrt{\sum_{i=1}^n (\min Z_{ij} - Z_{ij})^2} \tag{6}$$

Then calculate the relative closeness degree of each evaluation object:

$$C_i = \frac{D_i^-}{D_i^+ + D_i^-}, 0 \leq C_i \leq 1 \tag{7}$$

The closer of C_i and 1 indicates the closer to the optimal level (Fei Liu, Ting Gong, 2021; Aiqin Zhang, Haichao Zhang, 2021). In this paper, the relative closeness degree of inter-provincial logistics industry is taken as the representative index, the larger the relative closeness degree, the higher the development quality of logistics industry.

(2) The Theil Index

The Theil Index was first used as an indicator to measure the income gap between countries or regions, but later most scholars gradually applied the Theil Index in other analysis of differences

or inequalities. The index can not only decompose the overall gap into intra-regional gap and inter-regional gap, but also measure their importance and contribution rate in the overall gap. The calculation formula is as follows:

$$Theil = \sum_{i=1}^n \frac{y_i}{y} \ln \frac{y_i/y}{p_i/p} \quad (8)$$

In the above formula *Theil* is the Theil index, *n* is the number of regions, y_i the income of the *i* region, *y* is the total income of the region, p_i is the population of the *i* region, *p* is the total population of the region. On the basis of the Theil index, according to the decomposition method of Liang Zijing (2021), etc, the paper decomposes the Theil index into:

$$T_a = \sum_i \frac{y_i}{y_a} \ln \frac{\frac{y_i}{y_a}}{\frac{p_i}{p_a}} \quad (i = 1,2,3,4,5), \quad (9)$$

$$T_b = \sum_i \frac{y_i}{y_b} \ln \frac{\frac{y_i}{y_b}}{\frac{p_i}{p_b}} \quad (i = 1,2,3), \quad (10)$$

$$T_c = \sum_i \frac{y_i}{y_c} \ln \frac{\frac{y_i}{y_c}}{\frac{p_i}{p_c}} \quad (i = 1,2,3,4,5,6,7), \quad (11)$$

$$T_d = \sum_i \frac{y_i}{y_d} \ln \frac{\frac{y_i}{y_d}}{\frac{p_i}{p_d}} \quad (i = 1,2,3,4,5,6), \quad (12)$$

$$T_e = \sum_i \frac{y_i}{y_e} \ln \frac{\frac{y_i}{y_e}}{\frac{p_i}{p_e}} \quad (i = 1,2,3,4,5), \quad (13)$$

$$T_f = \sum_i \frac{y_i}{y_f} \ln \frac{\frac{y_i}{y_f}}{\frac{p_i}{p_f}} \quad (i = 1,2,3,4,5), \quad (14)$$

$$T_B = \frac{y_a}{y} \times \ln \frac{y_a/y}{p_a/p} + \frac{y_b}{y} \times \ln \frac{y_b/y}{p_b/p} + \frac{y_c}{y} \times \ln \frac{y_c/y}{p_c/p} + \frac{y_d}{y} \times \ln \frac{y_d/y}{p_d/p} + \frac{y_e}{y} \times \ln \frac{y_e/y}{p_e/p} + \frac{y_f}{y} \times \ln \frac{y_f/y}{p_f/p} \quad (15)$$

$$T_I = \frac{y_a}{y} \times T_a + \frac{y_b}{y} \times T_b + \frac{y_c}{y} \times T_c + \frac{y_d}{y} \times T_d + \frac{y_e}{y} \times T_e + \frac{y_f}{y} \times T_f, \quad (16)$$

$$T = T_B + T_I, \quad (17)$$

$$\frac{T_B}{T} + \frac{T_I}{T} = 1, \quad (18)$$

Due to the lack of statistical data, this study does not analyze the following regions: Hong Kong Special Administrative Region of China, Macao Special Administrative Region of China, Taiwan Province of China. Except for the above-mentioned regions, according to the regional division method on the official website of the National Bureau of Statistics for 31 provinces, autonomous regions and municipalities directly under the Central Government, the 31 provincial administrative units are divided into North China, Northeast, East China, Central China, Southwest and Northwest. North China includes Beijing, Tianjin, Hebei, Shanxi, Inner Mongolia, Northeast includes Heilongjiang, Jilin and Liaoning, East includes Shanghai, Jiangsu, Zhejiang, Anhui, Fujian, Jiangxi,

Shandong, Central China includes Henan, Hubei, Hunan, Guangdong, Guangxi and Hainan, Southwest includes Chongqing, Sichuan, Guizhou, Yunnan, Tibet, Northwest includes shaanxi, Gansu, Qinghai, Ningxia and Xinjiang. $T_a, T_b, T_c, T_d, T_e, T_f$ represent the *Theil* Index of North China, Northeast, East China, Central China, Southwest and Northwest respectively. T_B refers to the *Theil* Index between the six regions, T_I refers to the *Theil* Index within the six regions, and T refers to the *Theil* Index of 31 provincial administrative units (not including Hong Kong, Macao and Taiwan), $y_a, y_b, y_c, y_d, y_e, y_f$ refer to the high-quality development level of the logistics industry in North China, Northeast, East China, Central China, South China, Southwest and Northwest respectively. $p_a, p_b, p_c, p_d, p_e, p_f$ represent the number of logistics employees in North China, Northeast, East China, Central China, Southwest and Northwest. p means the sum of the number of logistics employees in the above regions. $\frac{T_B}{T}$ can reflect the contribution rate of inter-regional differences to the total difference, $\frac{T_I}{T}$ can reflect the contribution rate of intra-regional differences to the total difference (Zijing Liang, Haiyan Ma, 2021).

(3) The Moran's I index model

The *Moran's I index* test was first proposed in 1950 to test the spatial correlation between variables by *Moran*. It is divided into global spatial autocorrelation and local spatial autocorrelation (Zhiyin Fan, et al. 2021). This paper uses the global *Moran's I* to test the spatial autocorrelation of high-quality development of provincial logistics industry. The formula is as follows (Huijun Long, et al. 2017):

$$Moran's\ I = \frac{\sum_{i=1}^n \sum_{j=1}^n W_{ij} (Y_i - \bar{Y})(Y_j - \bar{Y})}{S^2 \sum_{i=1}^n \sum_{j=1}^n W_{ij}} \quad (19)$$

In the above equation, n represents the total number of provinces. W_{ij} is the binary adjacent space weight matrix.

$$S^2 = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n (Y_i - \bar{Y})^2, \quad \bar{Y} = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n Y_i \quad (20)$$

Y_i represents the high-quality development index of the logistics industry of the i province. W_{ij} is the element of the spatial weight matrix W , refers to the spatial weight between the region or position i and j . If the space unit i and j are adjacent, $W_{ij} = 1$, otherwise $W_{ij} = 0$. Generally, *Moran's I* is between $[-1, 1]$. $[-1, 0)$ represents the degree of negative correlation and $(0, 1]$ represents the degree of positive correlation. The larger the value, the greater the degree of spatial autocorrelation. If *Moran's I* is 0, the spatial distribution of geographic variables is a random state. When verifying the significance of the statistical analysis results, a null hypothesis is proposed. The null hypothesis represents a statistical distribution resulting in a random distribution, and the *Moran's I* determines whether to reject the null hypothesis by P value and Z value. P value represents the reliability of the data, Z value and *Moran's I* indicate significant aggregation or discrete phenomena in the data. Table 1 shows the relationship between the P value, Z value, and the degree of confidence (Yike Sun, et al, 2020).

Table 1 – The relationships between the *P* value, *Z* value and confidence scores

<i>Z</i> value	<i>P</i> value	confidence /%
$Z > 1.65$	$P < 0.10$	90
$Z > 1.96$	$P < 0.05$	95
$Z > 2.58$	$P < 0.01$	99

4. Empirical Analysis

(1) Selection of indicators and data sources

This paper uses transportation, warehousing and postal service to replace the logistics industry, added value of transportation, warehousing and the postal service to replace the logistics industry added value, employees number of transportation, warehousing and postal service to replace the logistics labor input, transportation spending to replace logistics capital investment. The average salary and per capita express are also included in the evaluation system, shown as Table 2, all the data are from the official website of the National Bureau of Statistics.

Table 2 – Evaluation index system of high-quality development level of regional logistics industry

name of index	The method of representation	Meaning
Unit labor force output value (ten thousand yuan)	Added value of logistics industry (100 million yuan) / employees of logistics industry urban units (ten thousand people)	The logistics industry output value created by the unit of labor force
Unit capital output value (ten thousand yuan)	Added value of logistics industry (100 million yuan) / local financial transportation expenditure (10 thousand yuan)	Created per unit of capital Logistics industry output value
Logistics industry practitioners on average Salary (ten thousand yuan)	Average salary of urban employees in transportation, warehousing and postal services (ten thousand yuan)	Logistics industry practitioners wage level
Freight volume per unit road mileage (ton / km)	Highway freight volume (ten million tons) / highway operating mileage (ten thousand kilometers)	Highway freight capacity
Freight volume per unit railway mileage (ton / km)	Railway freight volume (10,000 tons) / railway operating mileage (10,000 km)	Railway freight capacity
Express volume per capita (piece)	Express delivery volume (10,000 pieces) / permanent resident population at the end of the year (thousands of people)	Express delivery business capability

(2) Measurement of the high-quality development level of the logistics industry

First, the mean method is used to standardize the original data, and then the entropy weight-TOPSIS model in SPSSAU online analysis software is used to calculate the relative closeness degree of the development quality of the logistics industry. The weight and relative closeness degree calculation results are sorted into Table 3 and Table 4. The weight reflects the importance of indicators in the whole evaluation system. Table 3 reflects that increasing labor or capital investment alone has a relatively small impact on promoting high-quality development of the logistics industry in the current development process. In contrast, the importance of improving the express logistics system in promoting high-quality development of the logistics industry is more significant. Similarly, railway transportation is more important to the logistics system than road transportation, mainly because the current railway transportation efficiency is still more than that of road transportation. The lowest weight among all the indicators is the average salary of the employees in the logistics industry (ten thousand yuan), which may be because the current logistics industry is still a labor-intensive industry, and the overall salary level is still not high. This also affects the labor enthusiasm of the employees, resulting in the importance of the unit labor force output value (ten thousand yuan) is lower than the unit capital output value (yuan).

According to Table 4, the quality of logistics industry development in the vast majority of the 31 provincial administrative units in China has significantly improved from 2011 to 2020. From 2011 to 2013, the development quality of Shanxi's logistics industry ranked first in the country, followed by Shanghai. From 2014 to 2016, Shanghai ranked first, followed closely by Beijing and Zhejiang. At this time, Shanxi's ranking had shown a clear downward trend. From 2017 to 2020, Zhejiang has remained at the top of the country for four consecutive years, while Shanghai has declined from second to third, Beijing has declined from third to fourth, Guangdong has risen from fourth to second, and Jiangsu has remained at fifth for four consecutive years. This has formed a relatively stable development pattern, with Zhejiang, Guangdong, Shanghai, Beijing, and Jiangsu ranking among the top five provinces in terms of development quality in the national logistics industry. Zhejiang, Shanghai, and Jiangsu all belong to East China, while Beijing and Guangdong belong to North China and South China respectively, indicating that the quality of logistics industry development in East China is higher than that in other regions.

In 2020, compared with 2011, the development quality of logistics industry in a few areas stagnated or even decreased. Shanxi, Inner Mongolia, Guizhou, Gansu, Qinghai all showed a slight downward trend, while Tibet and Ningxia almost stagnated, and the relative closeness degree of the development quality of logistics industry only increased by 0.005 and 0.001 respectively in ten years. In addition, other regions have different degrees of improvement, but the development speed is different. From the national perspective, the average relative closeness degree of high-quality development of inter-provincial logistics industry has increased year by year from 0.044 in 2011 to 0.118 in 2020, reflecting the overall development of China's logistics industry and the gradual improvement of the quality of development. Looking at the "increase" line data in Table 4, it is not difficult to find that the relative closeness degree increment of measuring the high-quality development of the logistics industry was 0.003, 0.004 and 0.005 in 2014 respectively. After 2014, the increment began to

increase significantly, with the annual increment remained at 0.017, and the high level was as high as 0.028. 2014 became an important watershed, which may be closely related to the adoption of the "Medium and long-term Logistics Industry Development Plan" at the Executive meeting of The State Council in June 2014 and the determination of 12 key projects. Under the call of the central policy, the local governments actively respond to the issuance of relevant policy documents to support and promote the development of the logistics industry, resulting in the obvious improvement of the development quality of the logistics industry.

The average value of the relative closeness degree of the logistics industry is taken as the representative index to measure the high-quality development level of the logistics industry in the six regions, and the collated results are drawn into Figure 1. As can be seen from the figure, from 2011 to 2014, the development level of logistics industry in North China was the highest but the growth rate was lower than that in East China. In 2015, the development quality of logistics industry in East China and North China was basically the same, and from 2016 to 2020, the development quality of logistics industry in East China continued to rise rapidly more than that in North China. Before 2015, except for North China and East China, the development gap of the logistics industry in other regions was small. However, after 2015, the development quality of logistics industry in Central and South China has increased steadily, while the development quality of logistics industry in Northeast, Southwest and Northwest of China has also shown a slow upward trend, but the development speed is too slow, among which Northeast of China is slightly higher than that in Southwest and Northwest of China.

Table 3 – Weight of the evaluation index of the high-quality development level of the regional logistics industry

evaluating indicator	Indicator weight
Unit labor force output value (ten thousand yuan)	0.0469
Unit capital output value (RMB)	0.0971
Average salary of logistics industry employees (ten thousand yuan)	0.0207
Freight volume per unit road mileage (ton / km)	0.1248
Freight volume per unit railway mileage (ton / km)	0.2129
Express volume per capita (piece)	0.4975

Table 4 – Relative closeness degree of logistics industry from 2011 to 2020

area	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	change
Beijing	0.063	0.084	0.137	0.181	0.227	0.312	0.362	0.352	0.364	0.379	0.316
Tianjin	0.085	0.093	0.091	0.098	0.108	0.128	0.153	0.170	0.199	0.255	0.170
Hebei	0.052	0.051	0.050	0.049	0.048	0.062	0.070	0.092	0.118	0.180	0.128
Shanxi	0.155	0.160	0.164	0.135	0.124	0.113	0.130	0.144	0.143	0.143	-0.012
Nei											
Monggol	0.067	0.066	0.063	0.063	0.047	0.048	0.055	0.060	0.062	0.056	-0.011
Liaoning	0.056	0.051	0.050	0.050	0.045	0.055	0.061	0.070	0.079	0.103	0.047
Jilin	0.023	0.023	0.020	0.019	0.018	0.023	0.028	0.035	0.045	0.066	0.043
the Hei- longjiang											
River	0.029	0.028	0.025	0.021	0.019	0.027	0.030	0.035	0.041	0.053	0.024
Shanghai	0.094	0.113	0.153	0.194	0.250	0.372	0.443	0.492	0.445	0.474	0.380
Jiangsu	0.044	0.049	0.054	0.070	0.100	0.122	0.153	0.185	0.240	0.290	0.246
Zhejiang	0.046	0.061	0.091	0.149	0.226	0.346	0.449	0.558	0.706	0.841	0.795
Anhui	0.050	0.050	0.048	0.049	0.042	0.053	0.064	0.078	0.096	0.130	0.080
Fujian	0.028	0.033	0.045	0.062	0.080	0.114	0.145	0.182	0.223	0.290	0.262
Jiangxi	0.026	0.027	0.026	0.026	0.027	0.036	0.041	0.055	0.064	0.089	0.063
Shandong	0.061	0.061	0.057	0.049	0.049	0.063	0.074	0.091	0.113	0.154	0.093
Henan	0.039	0.036	0.033	0.033	0.035	0.043	0.053	0.069	0.082	0.114	0.075
Hubei	0.024	0.026	0.025	0.027	0.034	0.049	0.065	0.083	0.102	0.110	0.086
Hunan	0.023	0.024	0.023	0.025	0.027	0.033	0.039	0.048	0.058	0.080	0.057
Guang- dong	0.044	0.057	0.075	0.107	0.153	0.228	0.294	0.369	0.470	0.604	0.560
Guangxi	0.030	0.033	0.029	0.029	0.026	0.031	0.035	0.044	0.049	0.061	0.031
Hainan	0.018	0.018	0.018	0.017	0.016	0.020	0.024	0.028	0.030	0.039	0.021
Chong- qing	0.023	0.022	0.023	0.024	0.028	0.036	0.040	0.053	0.062	0.081	0.058
Sichuan	0.027	0.027	0.028	0.027	0.027	0.037	0.049	0.063	0.077	0.091	0.064
Guizhou	0.033	0.031	0.031	0.027	0.022	0.022	0.023	0.027	0.028	0.031	-0.002
Yunnan	0.022	0.020	0.021	0.019	0.021	0.021	0.023	0.031	0.036	0.049	0.027
Xizang	0.005	0.006	0.006	0.006	0.007	0.008	0.007	0.008	0.008	0.010	0.005
Shaanxi											
Province	0.070	0.074	0.077	0.079	0.072	0.081	0.086	0.095	0.102	0.116	0.046
Gansu	0.027	0.026	0.025	0.020	0.017	0.018	0.018	0.019	0.019	0.023	-0.004
Qinghai	0.018	0.019	0.019	0.017	0.012	0.013	0.016	0.017	0.017	0.017	-0.001
Ningxia	0.062	0.068	0.065	0.056	0.048	0.051	0.051	0.061	0.057	0.063	0.001
Xinjiang	0.016	0.016	0.018	0.018	0.016	0.018	0.022	0.028	0.027	0.027	0.011
mean	0.044	0.047	0.051	0.056	0.064	0.083	0.100	0.117	0.134	0.162	0.118
increase		0.003	0.004	0.005	0.007	0.020	0.017	0.017	0.017	0.028	

Note: The "changes" in the table is the difference between the relative closeness degree in 2020 and 2011. The value is positive indicating the increase of the development quality of regional logistics industry, and the value is negative indicating the decline of the development quality of regional logistics industry. "Increase" is the difference between the mean relative closeness degree of the year and the mean relative closeness degree of the previous year, the larger the value, the faster the growth.

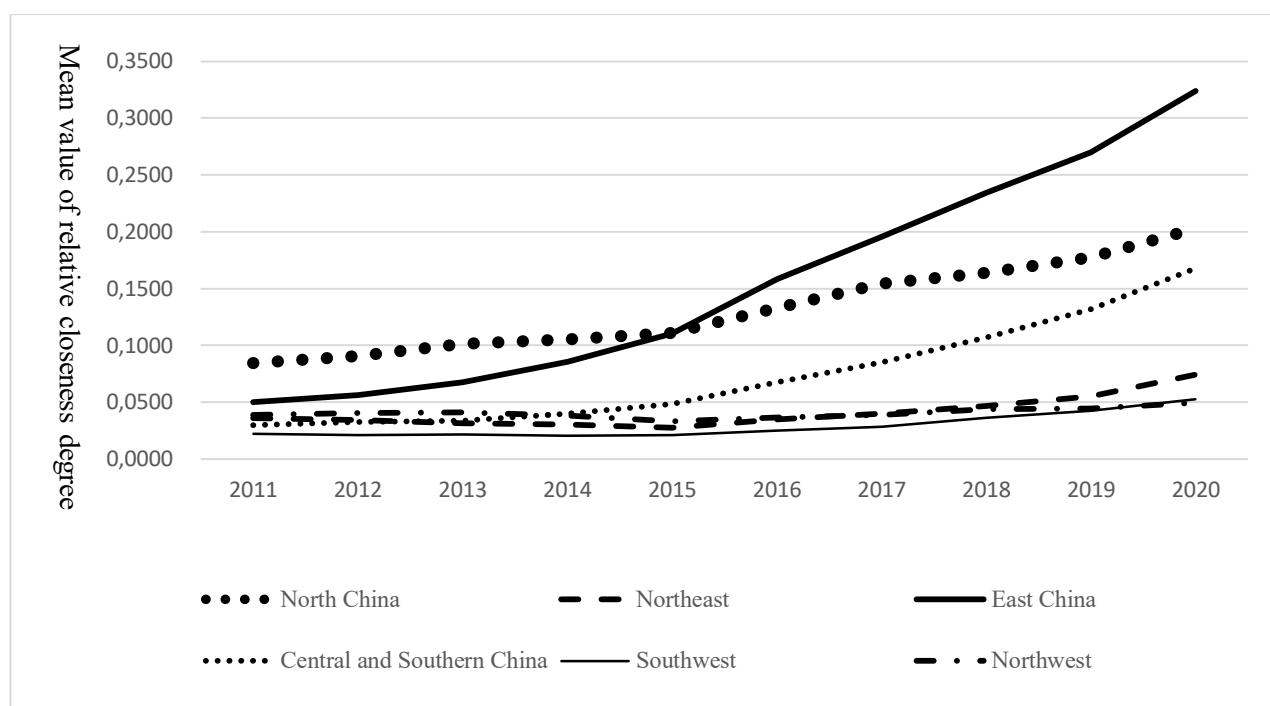

Figure 1 mean average of relative closeness degree of logistics industry in six regions of China from 2011 to 2020

(3) Analysis of the spatial difference of the high-quality development level of the logistics industry

In order to deeply analyze the spatial differences in the development quality of logistics industry within and between regions, the paper calculated the Theil index, intra regional Theil index, inter regional Theil index, and the contribution of intra regional differences to the total difference, as well as the contribution of inter regional differences to the total difference, the calculation results are compiled into Figures 2 and 3. As seen from Figure 2, the spatial difference of the high-quality development of the logistics industry in each region is very obvious.

The Theil index in Northwest was the highest, followed by the Theil index in North China and Southwest before 2014, and after 2014, the index in East China gradually expanded and was second only to northwest China. The Theil index in Southwest of China showed a trend of the first increasing and then decreasing, while the Theil index in North China maintained a steady advance after a sharp decline, while the Theil index in Northeast and Central China was relatively stable. As seen from Figure 3, the regional index in 2011-2020 is higher than the regional index in the current year, and the regional difference contribution in the same year is higher than the current year, which shows that the spatial difference of high-quality development of the logistics industry mainly comes from the internal region, and the unbalanced development within regions is more than the unbalanced development among regions. On the whole, the Theil index of the whole region shows a dynamic trend of increasing first and then decreasing, and the regional Theil index in 2020 has decreased slightly compared with 2011, indicating that the overall logistics industry in China is good and the gap between regions has decreased.

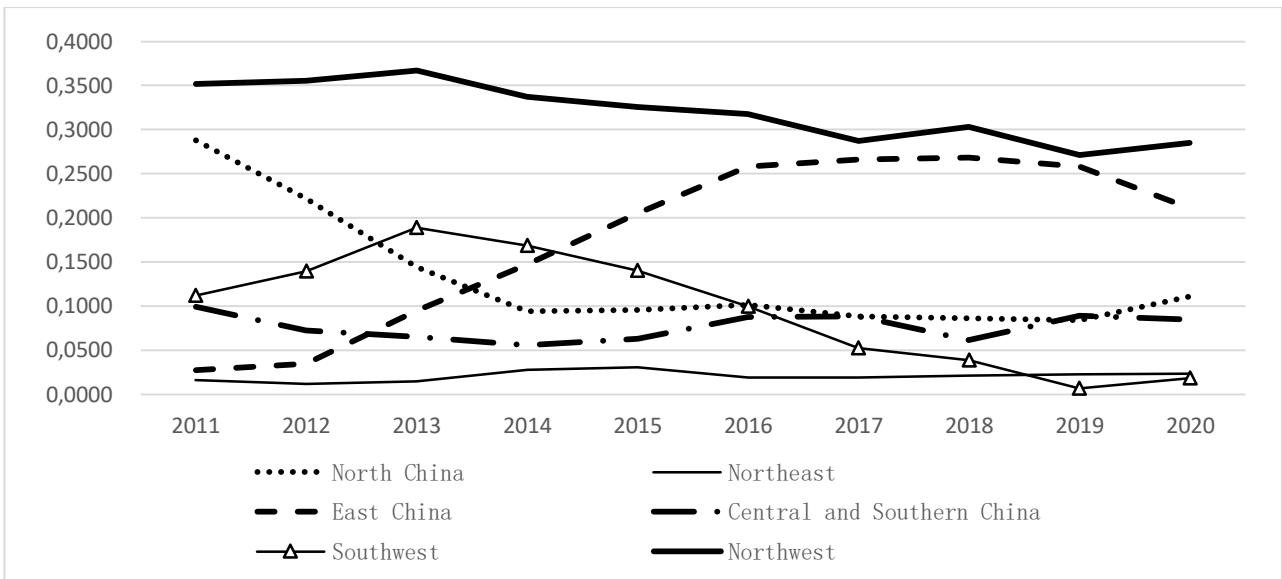

Figure 2 Thier Index chart of logistics industry development quality in six major regions in China from 2011 to 2020

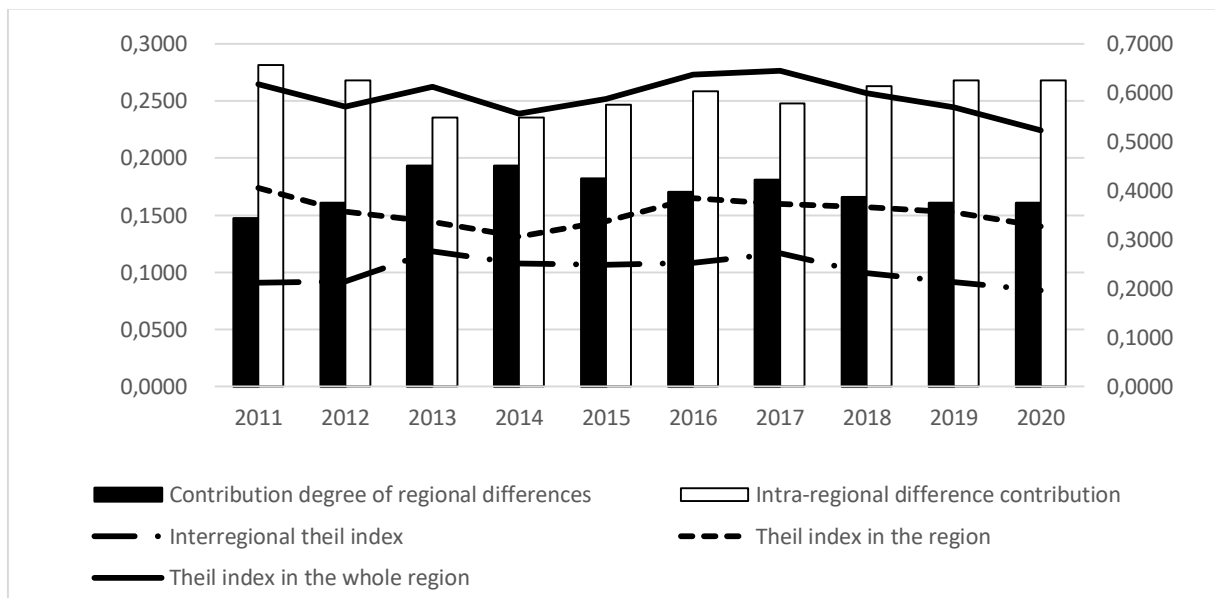

Figure 3 Tyre index and differential contribution in 2011-2020

(4) The spatial autocorrelation analysis of the high-quality development level of the logistics industry

According to the calculation results of entropy weight-TOPSIS method, in 2020, Zhejiang, Jiangsu, and Shanghai, among the top 5 provinces are all located in the East China and are adjacent to each other. This indicates that there may be spatial autocorrelation in the high-quality development process of regional logistics industry. This shows that the regional high quality logistics development process is likely to exist space autocorrelation. Therefore, after analyzing the spatial differences of high-quality development of regional logistics industry, it is necessary to calculate the *Moran's I*

index of the relative closeness degree of inter-provincial logistics industry in 2011-2020 with GeoDa software, so as to test the spatial autocorrelation of high-quality development of regional logistics industry, shown as Table 5. According to Table 5, the P value of 2011-2013 was less than 0.05 but greater than 0.01, and the Z value was less than 2.58 except for the value of 2011 but greater than 1.96. According to the evaluation criteria given in Table 1, the global *Moran's I* index results in these three years passed the significance test of 0.05. Since 2014, the P values are all less than 0.01 and the Z values are all greater than 2.58. It is known that the global *Moran's I* index in 2014-2020 has passed the significance test of 0.01. It can be seen that all the data are positive, indicating that there is obvious spatial autocorrelation in the high-quality development process of regional logistics industry, that is, the high-quality development process of regional logistics industry has a benign spillover effect of continuous spreading to the surrounding areas. Among them, it became an important watershed in 2014. In the first three years, the global *Moran's I* index remained at 0.241 and 0.242, which has increased significantly since 2014. Although there was a slight decrease during this period, the overall index still showed an upward trend, and has increased rapidly to 0.367 by 2020. This is basically consistent with the situation where the relative closeness degree to the high-quality development of the logistics industry began to significantly improve after that year. It is precisely because the development speed of logistics industry in various regions has significantly accelerated and the quality of development has significantly improved since 2014, effectively promoting industrial linkage and economic correlation between regions, and significantly enhancing the spatial autocorrelation of high-quality development of logistics industry.

Table 5 – The Global Moran's I Index and its test results of the high-quality development of the national interprovincial logistics industry from 2011 to 2020

variable	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
<i>Moran's I</i>	0.242	0.241	0.241	0.302	0.347	0.345	0.353	0.374	0.358	0.367
P	0.012	0.014	0.016	0.009	0.007	0.008	0.009	0.007	0.006	0.006
Z	2.5816	2.5214	2.4116	2.8471	3.2325	3.2558	3.3166	3.5185	3.4920	3.6313

5. Research conclusions and countermeasures

(I) Study conclusions

The high-quality development of the logistics industry is an important driving force to promote the high-quality development of China's economy, and also an important prerequisite for achieving high-quality economic and social development. This paper measures the logistics industry development quality level of 31 provincial administrative units, and further analyzes the spatial differences and the correlation characteristics, mainly draw the following conclusions: firstly, from a spatial per-

spective, the high-quality development level of the logistics industry in Zhejiang, Guangdong, Shanghai, Beijing, and Jiangsu ranks among the top. In addition, the high-quality development level of the logistics industry, from high to low, is respectively in East China, North China, Central South, Northeast, Southwest, and Northwest. Secondly, from a temporal perspective, 2014 has become an important watershed for the high-quality development of the logistics industry. That year, the State Council issued the "Medium and Long Term Plan for the Development of the Logistics Industry", which effectively promoted the high-quality development of the logistics industry. Thirdly, the spatial differences in the high-quality development of the logistics industry mainly come from within the region, with uneven development within the region rather than between regions. Fourthly, there is a clear spatial autocorrelation in the high-quality development process of the logistics industry, which has become more significant and shows a gradually increasing trend since 2014.

(2) Recommended countermeasures

According to the above conclusions, in order to promote the high-quality development of regional logistics in China, especially to narrow the development gap between different regions, and realize the coordinated development of logistics industry, the following suggestions are put forward: Firstly, improve the express logistics system. Express logistics, especially e-commerce logistics, occupy a crucial position in the current logistics system. Further developing and strengthening express logistics through e-commerce and improving the e-commerce logistics system are important paths to achieve high-quality development of regional logistics. Secondly, strengthen industrial linkage and integration. By leveraging emerging information technologies such as big data, cloud computing, artificial intelligence, and 5G communication, we aim to accelerate the linkage, integration, and effective interaction between the logistics industry, manufacturing industry, and information industry. Thirdly, promote effective cross regional cooperation. Establish an effective coordination mechanism among departments to promote cross departmental logistics business cooperation, create an intelligent logistics information platform to integrate cross regional logistics resources, reduce resource idle and waste, and improve logistics resource utilization.

REFERENCE

Cao, YC, Li, T, Lin, HN. (2020). China's regional logistics industry high-quality development realization path – Based on the empirical analysis of 31 provinces and municipalities in China. *Business Research*, (12), 66-74.

Fan, ZY, Xu, P, Fu, B. (2021). Study on the public's cognition level of debris flow disaster and its influencing factors – A case study of Wenchuan County, Sichuan Province. *Journal of Southwest Normal University (Natural Science Edition)*, 46 (01), 133-143.

Gan, WH, Chen, ZP, Wang MY, et al. (2020). Study on comprehensive evaluation of high-quality logistics development in six central provinces based on entropy weight TOPSIS. *Logistics Engineering and Management*, 42 (03), 11-14.

Gou, TJ, Lu, WW. (2020). Evaluation of Ecological Civilization Construction Based on Combined Weighted TOPSIS Model – A Case Study of Qinghai Province. *Statistics & Decision*, 36 (24), 57-60.

He, LM. (2018). Some problems facing in promoting the high-quality development of logistics industry. *Circulation economy in China*, 32 (10), 3-7.

Liang, ZJ., Ma, HY. (2021). The New Pattern of High-quality Development of Regional Logistics – Based on the Analysis of Spatial Difference of Logistics Productivity Growth. *Urban Issues*, (12), 97-103.

Liu, F., Gong, T. (2021). Comprehensive Evaluation of High-quality Development in Hubei Province Based on Entropy Weight Topsis Model. *Statistics & Decision*, 37 (11), 85-88.

Long, HJ, Dang, W, Xiao, FX. (2017). Spatial econometric study on regional logistics convergence and its influencing factors in Yangtze River Economic Belt. *Business Economics Research*, (03), 126-128.

Ouyang, Fang. (2020). 5G drives the path selection of high-quality development of logistics industry. *Enterprise Economy*, 39 (6), 15-21.

Sun, YK, Gong HL, Chen BB, et al. (2020). Quantitative analysis of uneven settlement by combining Moran index and cross wavelet. *Remote sensing of land and resources*, 32 (2), 186-195. *resources*, 2020, 32 (2): 186-195.

Zhang, AQ, Zhang, HC. (2021). Analysis of high-quality development level measurement of manufacturing industry under the background of digital transformation. *Scientific and Technology Management Research*, 41 (19), 68-75.

Zhang, B. (2020). Discussion on the problems and paths to promote the high-quality development of China's logistics industry. *Business Economics Research*, (10), 103-105.

Zhao, AN. (2022). Evaluation of high quality development of Shaanxi Logistics based on entropy right TOPSIS method. *Storage and Transportation in China*, (01), 203-204.

Информация об авторах

Тянь Цян, магистр, преподаватель, Университет Яньтай Наньшань, Яньтай, Китай, 265713

Лю Янь, доктор, профессор, Чанчуньский университет, Чанчунь, Китай, 130022, liuy79@ccu.edu.cn

Ли Цзиньхуа, магистр, доцент, Университет Яньтай Наньшань, Яньтай, Китай, 265713

Information about Authors

Tian Qiang, master, lecturer, Yantai Nanshan University, Yantai, China, 265713.

Liu Yan, doctor, professor, master tutor, Changchun University, Changchun, China, 130022, liuy79@ccu.edu.cn

Li Jinhua, master, associate professor, Yantai Nanshan University, Yantai, China, 265713.

Для цитирования: Тянь Цян, Лю Янь, Ли Цзиньхуа Расчет высокого уровня развития и пространственных характеристик логистической отрасли Китая // Парадигмы управления, экономики и права. 2024. № 1 (11). С. 30–45. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2024_N1.pdf

Citation: Tian Qiang, Liu Yan, Li Jinhua, Measurement of High-Quality Development Level and Its Spatial Characteristics of Logistics Industry in China // Paradigms of Management, Economics and Law. 2024. № 1 (11). pp. 30–45. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2024_N1.pdf

ЭКОНОМИКА И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

ECONOMY AND ENTREPRENEURSHIP

УДК 657+336.2.02

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЕТА И НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ СФЕРЫ УСЛУГ

Екатерина Владимировна Беликова

Волгоградская государственная академия физической культуры,
г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Введение. В статье предлагается рассматривать основные проблемы работы с ЕНС и ЕНП. Построена очередность платежей, недоимок, пеней и штрафов по федеральным, региональным налогам и обязательным страховым взносам. Предложен мониторинг исполнения обязательств по налогам, сборам и взносам, позволяющий обеспечить архив платежей и причины формирования отрицательного, положительного и нулевого сальдо по ЕНС. Учтены изменения НК РФ с 1 января 2024 г. в отношении сотрудников, работающих на удаленном доступе. Предложены внесения в учетную политику для целей налогового учета, определены компенсации и произведен расчет экономии по налогу на прибыль за счет использования компенсационных выплат и уменьшения базы для начисления страховых взносов.

Методы. Методологической базой исследования являются логический, системный и комплексный подходы, исторический, функциональный и сравнительный методы анализа, методы графического, факторного, экономико-статистического анализа, приемы классифицирования, аналогии, синтеза.

Анализ. В ходе исследования были проанализированы основные показатели развития экономики за последние три года. Реальный ВВП России в 2022 году снизился на 2,1 %, следует из первой оценки Росстата.

Таким образом, на основе представленных данных можно сделать выводы о динамике занятости в организациях и ожиданиях на будущий квартал.

Динамика сферы услуг в Российской Федерации в период 2020–2022 годов стала объектом интереса и исследования из-за влияния множества факторов, включая глобальную пандемию COVID-19, экономическое состояние страны и изменение в поведении потребителей.

В 2020 году Россия, как и многие другие страны, столкнулась с серьезными экономическими последствиями пандемии COVID-19. Введение карантинных ограничений и режима самоизоляции привело к временному закрытию многих предприятий, особенно в области туризма, гостиничного бизнеса, ресторанного и развлекательного секторов. Это привело к значительному сокращению спроса на услуги в этих отраслях.

Таким образом, динамика сферы услуг в РФ в период 2020–2022 годов характеризовалась реструктуризацией, адаптацией и изменением в ответ на пандемию и экономическую ситуацию. Онлайн-форматы и услуги доставки стали более популярными, некоторые отрасли перешли на новые бизнес-модели, а в целом восстановление происходило неравномерно в разных регионах.

Таким образом, на основе представленных данных можно сделать выводы о динамике занятости в организациях и ожиданиях на будущее.

Результаты. Автором работы изучены варианты определения суммы единого налогового счёта. Описана очерёдность уплаты платежей налогов, штрафов и страховых взносов проанализированы материалы по определению возможности контроля за единым налоговым счётом. Контроль за состоянием единого налогового счета является важным аспектом бухгалтерского учета любого предприятия. Одним из наиболее рациональных методов считается акт сверки между налогоплательщиком и налоговым органом. Благодаря техническим средствам бухгалтерская служба может получить информацию на любую отчетную дату. Преимущества такого мониторинга неоспоримы, доказательны и обоснованы. Работникам на удаленке компания обязана выплачивать компенсацию за использование личного имущества в интересах бизнеса. С 2024 года для таких выплат установлен необлагаемый НДФЛ и страховыми взносами лимит.

Ключевые слова: налоги, единый налоговый счет, льготы, компенсация, внутренний контроль, бухгалтерский учёт.

UDC 657+336.2.02

PROMISING EVENTS TO IMPROVE ACCOUNTING AND TAXATION OF SERVICE ENTERPRISES

Ekaterina V. Belikova

Volgograd State Academy of Physical Culture, Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article proposes to consider the main problems of working with the Unified National Tax Service and the EPP. The order of payments, arrears, penalties and fines for federal, regional taxes and mandatory insurance contributions has been established. Monitoring of the fulfillment of obligations on taxes, fees and contributions is proposed, which makes it possible to provide an archive of payments and the reasons for the formation of a negative, positive and zero

balance in the Unified Tax Service. Changes to the Tax Code of the Russian Federation from January 1, 2024 regarding employees working remotely have been taken into account. Amendments to the accounting policy for tax accounting purposes have been proposed, compensation has been determined and income tax savings have been calculated through the use of compensation payments and reducing the base for calculating insurance premiums.

Methods. The methodological basis of the research is logical, systematic and integrated approaches, historical, functional and comparative methods of analysis, methods of graphical, factorial, economic and statistical analysis, methods of classification, analogy, synthesis.

Analysis. The study analyzed the main indicators of economic development over the past three years. Russia's real GDP decreased by 2.1% in 2022, according to Rosstat's first estimate.

Thus, based on the data presented, conclusions can be drawn about the dynamics of employment in organizations and expectations for the next quarter.

The dynamics of the service sector in the Russian Federation during the period 2020-2022 have become the object of interest and research due to the influence of many factors, including the global COVID-19 pandemic, the economic state of the country and changes in consumer behavior.

In 2020, Russia, like many other countries, faced the serious economic consequences of the COVID-19 pandemic. The introduction of quarantine restrictions and stay-at-home orders has led to the temporary closure of many businesses, especially in the tourism, hospitality, restaurant and entertainment sectors. This has led to a significant reduction in demand for services in these industries.

Thus, the dynamics of the service sector in the Russian Federation in the period 2020-2022 was characterized by restructuring, adaptation and change in response to the pandemic and the economic situation. Online formats and delivery services have become more popular, some industries have moved to new business models, and overall the recovery has been uneven across different regions.

Thus, based on the data presented, conclusions can be drawn about the dynamics of employment in organizations and expectations for the future.

Results. The author of the work has studied options for determining the amount of a single tax bill. The order of payment of taxes, fines and insurance premiums is described, materials are analyzed to determine the possibility of monitoring a single tax account. Control over the state of the single tax account is an important aspect of accounting for any enterprise. One of the most rational methods is a reconciliation act between the taxpayer and the tax authority. Thanks to technical means, the accounting service can obtain information for any reporting date. The advantages of such monitoring are undeniable, evidence-based and justified. The company is obliged to pay compensation to remote workers for the use of personal property in the interests of the business. From 2024, a non-taxable limit on personal income tax and insurance contributions has been established for such payments.

Keywords: taxes, single tax account, benefits, compensation, internal control, accounting.

Введение. Динамика сферы услуг в Российской Федерации в период 2020–2022 годов стала объектом интереса и исследования из-за влияния множества факторов, включая глобальную пандемию COVID-19, экономическое состояние страны и изменение в поведении потребителей.

В 2020 году Россия, как и многие другие страны, столкнулась с серьезными экономическими последствиями пандемии COVID-19. Введение карантинных ограничений и режима самоизоляции привело к временному закрытию многих предприятий, особенно в области туризма, гостиничного бизнеса, ресторанного и развлекательного секторов. Это привело к значительному сокращению спроса на услуги в этих отраслях [12].

Тем не менее, с развитием ситуации и улучшением эпидемиологической обстановки в 2021 году, сфера услуг начала восстанавливаться. По мере отмены ограничений и возобновления частично или полностью функционирующих предприятий спрос на услуги постепенно восстанавливался. Это было заметно в таких сферах, как розничная торговля, туризм, гостиничный бизнес и рестораны.

Однако восстановление сферы услуг происходило неравномерно в разных регионах страны. Москва и другие крупные города, имеющие большую долю туризма и делового туризма, восстанавливались быстрее благодаря возрождению спроса от местных жителей и постепенному возвращению туристов. В регионах с меньшей экономической активностью и зависимостью от туризма, восстановление происходило медленнее [2].

Параллельно с восстановлением спроса, сфера услуг также подвергалась изменениям в связи с изменением поведения потребителей. В условиях пандемии люди стали предпочитать онлайн-покупки и услуги доставки, что привело к росту электронной коммерции и услуг доставки. Это оказало влияние не только на сферу покупок, но и на такие области, как фитнес и образование, которые стали предоставлять онлайн-форматы своих услуг.

Следует отметить, что пандемия также повлияла на структурные изменения в сфере услуг. Некоторые компании вынуждены были пересмотреть свою бизнес-модель и адаптироваться к новым реалиям. Например, некоторые рестораны начали предлагать услуги доставки еды или создавать приложения для онлайн-заказов. Туристические компании сосредоточились на развитии внутреннего туризма и усилили маркетинговые усилия для привлечения местных туристов [3].

В определенной степени сфера услуг также стала меняться из-за введенных государством экономических мер. Многие отрасли получили поддержку от государства в форме субсидий, снижения налоговой нагрузки или других финансовых мер, что помогло им восстановиться быстрее или смягчить потери [4].

Таким образом, динамика сферы услуг в РФ в период 2020–2022 годов характеризовалась реструктуризацией, адаптацией и изменением в ответ на пандемию и экономическую ситуацию. Онлайн-форматы и услуги доставки стали более популярными, некоторые отрасли перешли на новые бизнес-модели, а в целом восстановление происходило неравномерно в разных регионах.

Методологической базой исследования являются логический, системный и комплексный подходы, исторический, функциональный и сравнительный методы анализа, методы графического, факторного, экономико-статистического анализа, приемы классифицирования, аналогии, синтеза.

Анализ. В ходе исследования были проанализированы основные показатели развития экономики за последние три года. Реальный ВВП России в 2022 году снизился на 2,1 %, следует из первой оценки Росстата.

Таким образом, на основе представленных данных можно сделать выводы о динамике занятости в организациях и ожиданиях на будущий квартал.

Динамика сферы услуг в Российской Федерации в период 2020–2022 годов стала объектом интереса и исследования из-за влияния множества факторов, включая глобальную пандемию COVID-19, экономическое состояние страны и изменение в поведении потребителей [10].

В 2020 году Россия, как и многие другие страны, столкнулась с серьезными экономическими последствиями пандемии COVID-19. Введение карантинных ограничений и режима самоизоляции привело к временному закрытию многих предприятий, особенно в области туризма, гостиничного бизнеса, ресторанного и развлекательного секторов. Это привело к значительному сокращению спроса на услуги в этих отраслях.

Тем не менее, с развитием ситуации и улучшением эпидемиологической обстановки в 2021 году, сфера услуг начала восстанавливаться. По мере отмены ограничений и возобновления частично или полностью функционирующих предприятий спрос на услуги постепенно восстанавливался. Это было заметно в таких сферах, как розничная торговля, туризм, гостиничный бизнес и рестораны.

Однако восстановление сферы услуг происходило неравномерно в разных регионах страны. Москва и другие крупные города, имеющие большую долю туризма и делового туризма, восстанавливались быстрее благодаря возрождению спроса от местных жителей и постепенному возвращению туристов. В регионах с меньшей экономической активностью и зависимостью от туризма, восстановление происходило медленнее.

Параллельно с восстановлением спроса, сфера услуг также подвергалась изменениям в связи с изменением поведения потребителей. В условиях пандемии люди стали предпочитать онлайн-покупки и услуги доставки, что привело к росту электронной коммерции и услуг доставки. Это оказало влияние не только на сферу покупок, но и на такие области, как фитнес и образование, которые стали предоставлять онлайн-форматы своих услуг.

Следует отметить, что пандемия также повлияла на структурные изменения в сфере услуг. Некоторые компании вынуждены были пересмотреть свою бизнес-модель и адаптироваться к новым реалиям. Например, некоторые рестораны начали предлагать услуги доставки еды или создавать приложения для онлайн-заказов. Туристические компании сосредоточились на развитии внутреннего туризма и усилили маркетинговые усилия для привлечения местных туристов.

В определенной степени сфера услуг также стала меняться из-за введенных государством экономических мер. Многие отрасли получили поддержку от государства в форме субсидий, снижения налоговой нагрузки или других финансовых мер, что помогло им восстановиться быстрее или смягчить потери.

Таким образом, динамика сферы услуг в РФ в период 2020–2022 годов характеризовалась реструктуризацией, адаптацией и изменением в ответ на пандемию и экономическую ситуацию. Онлайн-форматы и услуги доставки стали более популярными, некоторые отрасли перешли на новые бизнес-модели, а в целом восстановление происходило неравномерно в разных регионах.

Анализируя представленную таблицу 1, можно сделать несколько выводов о спросе на услуги в организациях.

Во-первых, можно отметить, что доля организаций с уровнем спроса выше нормального сравнительно стабильна и составляет примерно 2–4 % от общего числа обследованных организаций в течение рассмотренного периода. Также стоит отметить, что в каждом квартале присутствует некоторая доля организаций, где спрос на услуги ниже нормального уровня.

Таблица 1 – Спрос на услуги Доля от общего числа обследованных организаций, % [13]

	Уровень текущего квартала			В текущем квартале по сравнению с предыдущим			Ожидания на следующий квартал		
	Выше нормального	Нормальный	Ниже нормального	Увеличение	Без изменения	Уменьшение	Увеличение	Без изменения	Уменьшение
2021									
I квартал	2	46	52	10	58	32	27	60	13
II квартал	3	54	43	20	61	19	24	64	12
III квартал	4	56	40	19	61	20	21	63	16
IV квартал	3	53	44	15	59	27	11	66	23
2022									
I квартал	3	52	44	10	60	31	27	61	12
II квартал	3	53	45	14	57	29	18	64	18
III квартал	3	52	44	11	59	31	20	60	20
IV квартал	3	53	43	10	60	31	20	59	21

Примечание – составлено автором.

Во-вторых, можно заметить, что уровень спроса на услуги в текущем квартале часто остается практически на том же уровне, что и в предыдущем квартале. Более того, доля организаций с уровнем спроса без изменений составляет примерно 60–64 % в каждом квартале. Однако стоит отметить, что есть некоторое количество организаций, в которых спрос на услуги увеличивается или уменьшается в каждом квартале.

В-третьих, можно отметить, что ожидания на следующий квартал имеют свойство изменяться: одни организации ожидают увеличения спроса на услуги, другие предполагают его уменьшение. Например, в первом квартале 2021 года 27 % организаций ожидают увеличение спроса на услуги, в то время как 13 % ожидают его уменьшения. В целом, представленная таблица позволяет увидеть некоторые закономерности и тенденции в спросе на услуги среди обследованных организаций.

Однако, для более детального анализа требуется учитывать другие факторы, такие как отраслевая специфика и экономические условия.

Таблица 2 – Численность занятых Доля от общего числа обследованных организаций, % [12]

	Уровень текущего квартала			В текущем квартале по сравнению с предыдущим			Ожидания на следующий квартал		
	Выше нормального	Нормальный	Ниже нормального	Увеличение	Без изменения	Уменьшение	Увеличение	Без изменения	Уменьшение
2021									
I квартал	3	80	17	5	85	11	9	86	5
II квартал	3	79	18	7	84	9	9	86	5
III квартал	3	78	18	8	81	11	8	85	8
IV квартал	3	78	19	6	82	12	4	87	8
I квартал	3	78	18	5	84	11	10	85	5
II квартал	6	78	18	6	83	11	7	86	6
III квартал	5	77	18	6	80	14	5	88	6
IV квартал	4	76	20	6	78	16	4	89	7

Из представленной таблицы 2 можно сделать следующие выводы:

В первом квартале 2021 года уровень текущей занятости составлял 3 % выше нормального уровня, 80 % на нормальном уровне и 17 % ниже нормального уровня.

Второй квартал 2021 года показал снижение занятости по сравнению с предыдущим кварталом, где уровень текущей занятости составил 3 % выше нормального уровня, 79 % на нормальном уровне и 18 % ниже нормального уровня.

В третьем квартале 2021 года также наблюдалось снижение занятости, где уровень текущей занятости составил 3 % выше нормального уровня, 78 % на нормальном уровне и 18 % ниже нормального уровня.

В четвертом квартале 2021 года занятость осталась примерно на том же уровне, что и в предыдущем квартале, с 3 % выше нормального уровня, 78 % на нормальном уровне и 19 % ниже нормального уровня.

Что касается ожиданий на следующий квартал, можно отметить следующее:

В первом квартале 2021 года ожидалось увеличение занятости в 9 % случаев, в 86 % случаев ожидалось, что занятость останется без изменений и в 5 % случаев ожидалось уменьшение занятости.

Во втором квартале 2021 года ожидалось увеличение занятости в 9 % случаев, в 86 % случаев ожидалось, что занятость останется без изменений и в 5 % случаев ожидалось уменьшение занятости.

В третьем квартале 2021 года ожидалось увеличение занятости в 8 % случаев, в 85 % случаев ожидалось, что занятость останется без изменений и в 8 % случаев ожидалось уменьшение занятости.

В четвертом квартале 2021 года также ожидалось увеличение занятости в 4 % случаев, в 87 % случаев ожидалось, что занятость останется без изменений и в 8 % случаев ожидалось уменьшение занятости.

Таким образом, на основе представленных данных можно сделать выводы о динамике занятости в организациях и ожиданиях на будущий квартал.

Результаты. 2023 год был особенно сложным для бухгалтеров-практиков. В ходе исследования можно сформулировать рекомендации по оптимизации внутреннего контроля в отношении уплаты налогов и своевременного мониторинга деятельности предприятий сферы услуг.

С 1-го января 2023 вступили в силу ФЗ ст. 14. 07. 2022 г. N 263 «О внесении изменений в часть I и II НК РФ. Определен единый налоговый платеж (ЕНП) и единый налоговый счет (ЕНС). ЕНП представляет собой сумму денежных средств, которую перечисляет налогоплательщик. Это перечисление производится на соответствующий счет и тем самым исполняется обязанность по уплате налогов и других обязательных платежей.

В отношении ЕНС законодательство определяет его как форму учета общей обязанности предприятий сферы услуг и перечисленных им денежных средств. Но распределение уже

является функцией ФНС РФ. В отношении каждого налогоплательщика ведется ЕНС. Предлагаем построить экономической службе, оптимальную систему расчетов по ЕНС [1].

Единый налоговый платеж в соответствии с ФЗ № 196 от 29.05.2023 распределяется поочередно. При чем очередь рекомендуем закрепить в учетной политике для целей бухгалтерского и налогового учета в следующем порядке [5].

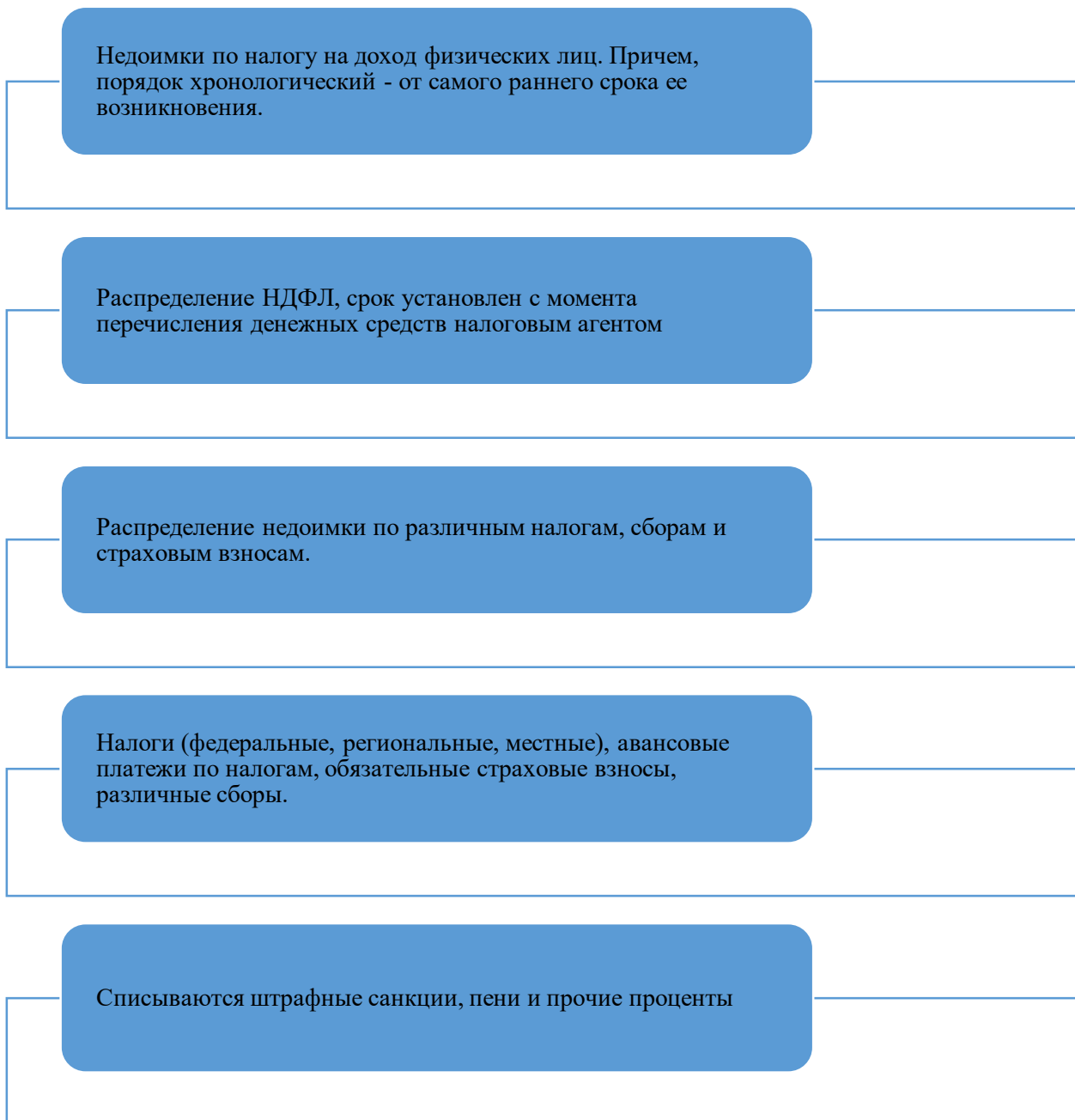

Рисунок 1 – Предложенная очередность уплаты налогов на единый налоговый счет

Примечание – составлено автором.

Первая очередь.

Недоимки по налогу на доход физических лиц. Причем, порядок хронологический – от самого раннего срока ее возникновения.

Вторая очередь.

Распределение НДФЛ, срок установлен с момента перечисления денежных средств налоговым агентом.

Третья очередь.

Распределение недоимки по различным налогам, сборам и страховым взносам. Установлен порядок списания хронологический, т.е. первыми списываются наиболее ранние недоимки.

Четвертая очередь.

Налоги (федеральные, региональные, местные), авансовые платежи по налогам, обязательные страховые взносы, различные сборы. Списание определено по мере возникновения обязанности по их уплате (перечислению на ЕНС).

Пятая очередь.

Списываются штрафные санкции, пени и прочие проценты.

Законодательно правило установлено следующее: если денежных средств недостаточно, а сроки уплаты совпадают, то налоговый орган распределяет ЕНП пропорционально суммам обязательств налогоплательщика по налогам.

31 декабря 2023 г. закончился переходный период, связанный с внедрением ЕНС. С 1 января 2024 бухгалтеры организаций сферы услуг могут предоставлять только уведомления об исчисленных налогах. Форма его утверждена Приказом ФНС России от 02.11.2022 N ЕД 7-8-/1047@. Для проверки уведомлений введены контрольные соотношения. Организации подают уведомления по НДФЛ, ОСВ, налогу на имущество физических лиц, транспортный налог, УСН и ЕСХН [7].

Главному бухгалтеру необходимо воспользоваться правом и ежеквартально запрашивать справки в электронном виде через Личный Кабинет или в бумажном виде. Таких справок должно быть три (рисунок 2).

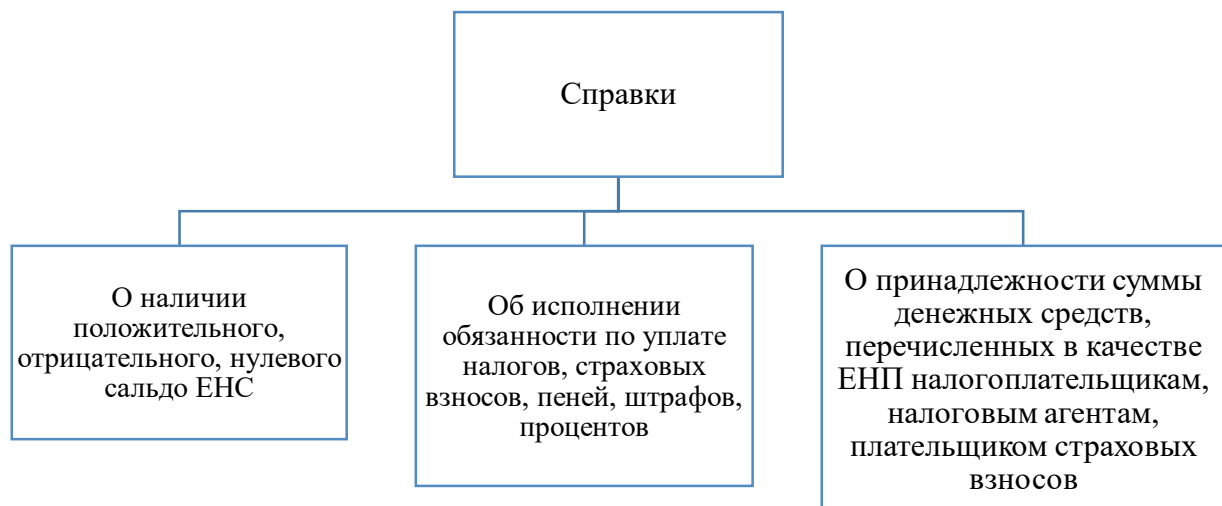

Рисунок 2 – **Необходимые запрашиваемые справки для оптимизации внутреннего контроля бухгалтерского учета предприятий сферы услуг**

Примечание – составлено автором.

Данные справки необходимо хранить и использовать информацию, для мониторинга и при утверждении графика погашения платежей.

С 2024 года установлен новый вид компенсаций удаленным сотрудникам, они не облагаются НДФЛ и страховыми взносами. Но сумму законодатель ограничил в размере 35 руб. (без подтверждения). Предлагаем в локальном документе установить порядок выплаты в размере 35 руб. Основываясь на анализе бухгалтерской (финансовой) отчетности, предположим прогнозные значения увеличения выручки, расходов в 2024 г. на 15 %. И рассчитаем экономический эффект от внедрения удаленным работникам компенсации.

Таблица 3 – Прогноз финансово-экономических показателей в 2024 г.

Показатель	Базовый год	Прогноз (без предложений автора)	Прогноз (с учетом предложений автора)
Выручка	269642	310088	310088
Расходы (всего)	168184	193412	19376,9
Валовая прибыль	101458	116676	116319
Налог на прибыль	20291,6	23335	23263,8
Экономический эффект налог на прибыль			-71,2

Примечание – составлено автором.

Таким образом, организация уменьшит сумму налога на прибыль на 71,2 тыс. руб. Также компенсации позволят воспользоваться правом снижения налоговой нагрузки по НДФЛ (13 %) и страховых взносов (30 %). В расчете экономии денежных средств на фонд оплаты труда за счет введения 1С и установки автоматического учета участвовали следующие показатели: средняя заработная плата 35 000 рублей; количество часов производственных календарей за 2020, 2021 и 2022 при 40-часовой рабочей неделе.

Таблица 4 – Расчет экономического эффекта за счет внедрение рекомендаций

Показатель	2020	2021	2022
Средняя заработная плата	35000	35000	35000
Продолжительность рабочего дня	40	40	40
Количество часов	1979	1972	1973
Фонд оплаты труда за год на 1 руб.	212,2	213	212,87
Экономия страховых взносов (ФОТ*30 %)	63,7	63,9	63,86

Примечание – составлено автором.

Таким образом, организация имеет возможность снизить налоговую нагрузку по налогу на прибыль на 71,2 тыс. руб. по социальным взносам 63,86 тыс. руб. Для сотрудников появится возможность экономии по НДФЛ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аналитический портал ФНС России. URL: <https://analytic.nalog.gov.ru/> (дата обращения 07.02.2024).
2. Васянина Е. Л. Актуальные проблемы налогового права: учебник / Е. Л. Васянина, С. В. Запольский. М.: НИЦ Инфра-М, 2020. 330 с.
3. Дементеева Н. А. Налоговые вычеты как инструмент социализации налоговой политики государства // Молодые ученые России. Сборник статей IX Всероссийской научно-практической конференции. Пенза: «Наука и просвещение», 2021. С. 48-50.
4. Запольский С. В., Васянина Е. Л. Цифровизация финансового контроля: правовое регулирование // Правовая информатика. 2022. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-finansovogo-kontrolya-pravovoe-regulirovanie> (дата обращения 16.10.2023).
5. Лазаренкова А. И. Налог на профессиональный доход: проблемы и перспективы / А. И. Лазаренкова, А. А. Субботина // Вестник ИЭАУ. 2022. № 35. С. 3.
6. Мыльникова Л. А. Роль и регулирующее значение налога на доходы физических лиц // Наука Красноярья. 2022. Т. 11. № 2-3. С. 21-26.
7. Налогообложение физических лиц: учебник и практикум для вузов / Л. И. Гончаренко [и др.]; под редакцией Л. И. Гончаренко. М.: Издательство Юрайт, 2021. 310 с.
8. Пестерева Е. В. Механизм оплаты налога на доходы физического лица // Моя профессиональная карьера. 2021. Т. 2. № 25. С. 10-14.
9. Полинская М. В. Роль налогового контроля в области налога на доходы физических лиц / М. В. Полинская, А. М. Бондарь, Ж. А. Воробьева // Вестник Академии знаний. 2020. № 1 (36). С. 331-335.
10. Прусова В. И. Эволюция НДФЛ в России / В. И. Прусова, Н. В. Казицкая, И. А. Семков // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 11-1 (81). С. 185-189.
11. Рудь Е. Д. Проблемы современного администрирования налога на доходы физических лиц и страховых взносов, пути их решения / Е. Д. Рудь, А. А. Романова // Экономика и бизнес: теория и практика. 2020. № 1-2 (59). С. 88-92.
12. Федеральная служба государственной статистики. Население. Уровень жизни. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения 22.11.2023).
13. Федеральная служба государственной статистики. Трудовые ресурсы. Занятость. Безработица. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения 10.01.2024).

REFERENCES

1. Analiticheskiy portal FNS Rossii. URL: <https://analytic.nalog.gov.ru/> (data obrashcheniya 07.02.2024).
2. Vasyanina E. L. Aktual'nye problemy nalogovogo prava: Uchebnik / E. L. Vasyanina, S. V. Zapol'skiy. M.: NITs Infra-M, 2020. 330 s.
3. Dementeeva N. A. Nalogovye vychety kak instrument sotsializatsii nalogovoy politiki gosudarstva // Molodye uchenye Rossii. Sbornik statey IX Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Penza: «Nauka i prosveshchenie», 2021. S. 48-50.
4. Zapol'skiy S. V., Vasyanina E. L. Tsifrovizatsiya finansovogo kontrolya: pravovoe regulirovanie // Pravovaya informatika. 2022. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-financevogo-kontrolya-pravovoe-regulirovanie> (data obrashcheniya 16.10.2023).
5. Lazarenkova A. I. Nalog na professional'nyy dokhod: problemy i perspektivy / A. I. Lazarenkova, A. A. Subbotina // Vestnik IEAU. 2022. № 35. S. 3.
6. Myl'nikova L. A. Rol' i reguliruyushchee znachenie naloga na dokhody fizicheskikh lits // Nauka Krasnoyar'ya. 2022. T. 11. № 2-3. S. 21-26.
7. Nalogooblozhenie fizicheskikh lits: Uchebnik i praktikum dlya vuzov / L. I. Goncharenko [i dr.]; pod redaktsiey L. I. Goncharenko. M.: Izdatel'stvo Yurayt, 2021. 310 s.
8. Pestereva E. V. Mekhanizm oplaty naloga na dokhody fizicheskogo litsa // Moya professional'naya kar'era. 2021. T. 2. № 25. S. 10-14.
9. Polinskaya M. V. Rol' nalogovogo kontrolya v oblasti naloga na dokhody fizicheskikh lits / M. V. Polinskaya, A. M. Bondar', Zh. A. Vorob'eva // Vestnik Akademii znaniy. 2020. № 1 (36). S. 331-335.
10. Prusova V. I. Evolyutsiya NDFL v Rossii / V. I. Prusova, N. V. Kazitskaya, I. A. Semkov // Ekonomika i biznes: teoriya i praktika. 2021. № 11-1 (81). S. 185-189.
11. Rud' E. D. Problemy sovremennogo administrirovaniya naloga na dokhody fizicheskikh lits i strakhovykh vnosov, puti ikh resheniya / E. D. Rud', A.A. Romanova // Ekonomika i biznes: teoriya i praktika. 2020. № 1-2 (59). S. 88-92.
12. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki. Naselenie. Uroven' zhizni. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (data obrashcheniya 22.11.2023).
13. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki. Trudovye resursy. Zanyatost'. Bez-rabotitsa. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (data obrashcheniya 10.01.2024).

Информация об авторе

Екатерина Владимировна Беликова, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и экономики, ФГБОУ ВО «Волгоградская государственная академия физической культуры», пр-т. им. Ленина, 78 400005 г. Волгоград, Российская Федерация, polabel@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5584-6837>, SPIN-код: 9482-3747, Author ID: 652605.

Information about the Author

Ekaterina V. Belikova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Humanities and Economics, Volgograd State Academy of Physical Culture, pr. them. Lenina, 78 400005 Volgograd, Russian Federation, polabel@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5584-6837>, SPIN-код: 9482-3747, AuthorID: 652605.

Для цитирования: Беликова Е. В. Перспективные мероприятия по совершенствованию бухгалтерского учета и налогообложения предприятий сферы услуг // Парадигмы управления, экономики и права. 2024. № 1 (11). С. 46-59. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2024_N1.pdf

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ

SUSTAINABLE ECONOMIC DEVELOPMENT

УДК 339.186:614

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЗАКУПКИ КАК СПОСОБ ОПТИМИЗАЦИИ РАСХОДОВ БЮДЖЕТОВ ЛЕЧЕБНО-ПРОФИЛАКТИЧЕСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ: СУЩНОСТЬ, АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ, ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Иван Игоревич Федячкин

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС,
г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Введение. В данной статье рассмотрен механизм осуществления государственных закупок в сфере здравоохранения, определены основные преимущества и недостатки данной системы, а также сформированы основные положения решения проблемных вопросов в данной области.

Методы. Методологической базой исследования являются логический, системный и комплексный подходы, функциональный и сравнительный методы анализа, методы аналогии, классифицирования, анализа и синтеза.

Анализ. В ходе анализа была раскрыта сущность механизма государственных закупок в сфере здравоохранения. Определены основные преимущества системы государственных закупок со стороны лечебно-профилактических учреждений. Также были выявлены значительные недостатки, которые мешают полноценной и качественной работе данного механизма, что в конечном итоге может отразиться на оказании помощи населению РФ.

Результаты. В результате сформированных проблем механизма государственных закупок, по ряду из них были предложены меры по их устранению, а также представлены идеи по развитию и совершенствованию данной системы. При разработке мер по совершенствованию механизма государственных закупок также был рассмотрен опыт других стран в отношении данных проблем.

Ключевые слова: государственные закупки, здравоохранение, контрактная система, медицинские поставщики, контрактная служба.

UDC 339.186:614

PUBLIC PROCUREMENT AS A WAY TO OPTIMIZE BUDGET EXPENDITURES OF TREATMENT AND PREVENTIONAL INSTITUTIONS IN THE FIELD OF HEALTH CARE: ESSENCE, CURRENT PROBLEMS, WAYS OF IMPROVEMENT

Ivan I. Fedyachkin

Volgograd Institute of Management, branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. This article examines the mechanism of public procurement in the field of healthcare, identifies the main advantages and disadvantages of this system, and forms the main provisions for solving problematic issues in this area.

Methods. The methodological basis of the research is logical, systematic and integrated approaches, functional and comparative methods of analysis, methods of analogy, classification, analysis and synthesis

Analysis. During the analysis, the essence of the mechanism of public procurement in the field of healthcare was revealed. The main advantages of the public procurement system on the part of medical institutions have been identified. Significant shortcomings have also been identified that interfere with the full and high-quality operation of this mechanism, which may ultimately affect the provision of assistance to the population of the Russian Federation.

Results. As a result of the problems of the public procurement mechanism, measures to eliminate them were proposed for a number of them, as well as ideas for the development and improvement of this system were presented. When developing measures to improve the mechanism of public procurement, the experience of other countries in relation to these problems was also considered.

Keywords: public procurement, healthcare, contract system, medical providers, contract service.

Введение.

Проблемы финансирования системы здравоохранения – блок наиболее актуальных, острых и важных вопросов в сфере здравоохранения на сегодняшний день. Современные лечебно-профилактические учреждения испытывают дефицит различных ресурсов, в том числе, касающихся финансовых и денежных аспектов.

С одной стороны, перед системой здравоохранения стоит задача оптимизировать все имеющиеся ресурсы, задействовать их максимально эффективно, но при этом и минимизировать расходы собственного финансового бюджета.

С другой стороны, система здравоохранения является стратегически важной для государства и населения задачей социальной сферы. В соответствии с учетом стратегии развития

здравоохранения в РФ на период до 2025 г., утвержденной Указом Президента РФ от 06.06.2019 г. № 254 поставлены задачи:

- 1) создание условий для повышения доступности и качества медицинской помощи;
- 2) профилактика заболеваний;
- 3) разработка, внедрение и применение новых медицинских технологий и лекарственных средств;
- 4) предотвращение распространения заболеваний, представляющих опасность для окружающих;
- 5) совершенствование системы контроля в сфере охраны здоровья граждан, включая государственный контроль (надзор) в сфере обращения лекарственных средств, государственный контроль за обращением медицинских изделий;
- 6) обеспечение биологической безопасности;
- 7) совершенствование системы федерального государственного санитарно-эпидемиологического надзора [9].

Методологической базой исследования являются логический, системный и комплексный подходы, функциональный и сравнительный методы анализа, методы аналогии, классифицирования, анализа и синтеза.

Анализ. Сокращение расходной части бюджета в здравоохранении с одной стороны и повышение качества оказываемой медицинской помощи населению с другой стороны – цели, которые изначально могут показаться противоположными друг к другу. С другой стороны, одним из эффективных инструментов является действующая современная система государственных закупок в сфере здравоохранения, которая способствует оптимизации финансовых ресурсов лечебно-профилактических учреждений.

Государственные закупки – это покупки товаров, выполнение работ или оказание услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд за счет государственных бюджетов. В настоящее время, государственные закупки регулируются Федеральным законом «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 г. [10].

Подробно рассмотрим процессы от формирования планирования закупок, до их реализации и исполнения. Первоначально государственные бюджетные лечебно-профилактические учреждения составляют план закупок на определенный период. Следующим этапом является обоснование закупки и передача информации в уполномоченные органы, для одобрения, отклонения или доработки.

В случае успешного одобрения закупки контролирующим органом, закупка размещается в единой информационной системе. Компании участники (поставщики медицинского оборудования в данном случае) подробно изучают опубликованные материалы закупки и на основании их принимают решения об участии в контрактной закупке [5].

Существуют установленные законодательством, следующие формы контрактных закупок:

- 1) открытый конкурс;

- 2) электронный аукцион;
- 3) запрос котировок;
- 4) запрос предложений;
- 5) осуществление закупки у единственного поставщика (при наличии соответствующих условий).

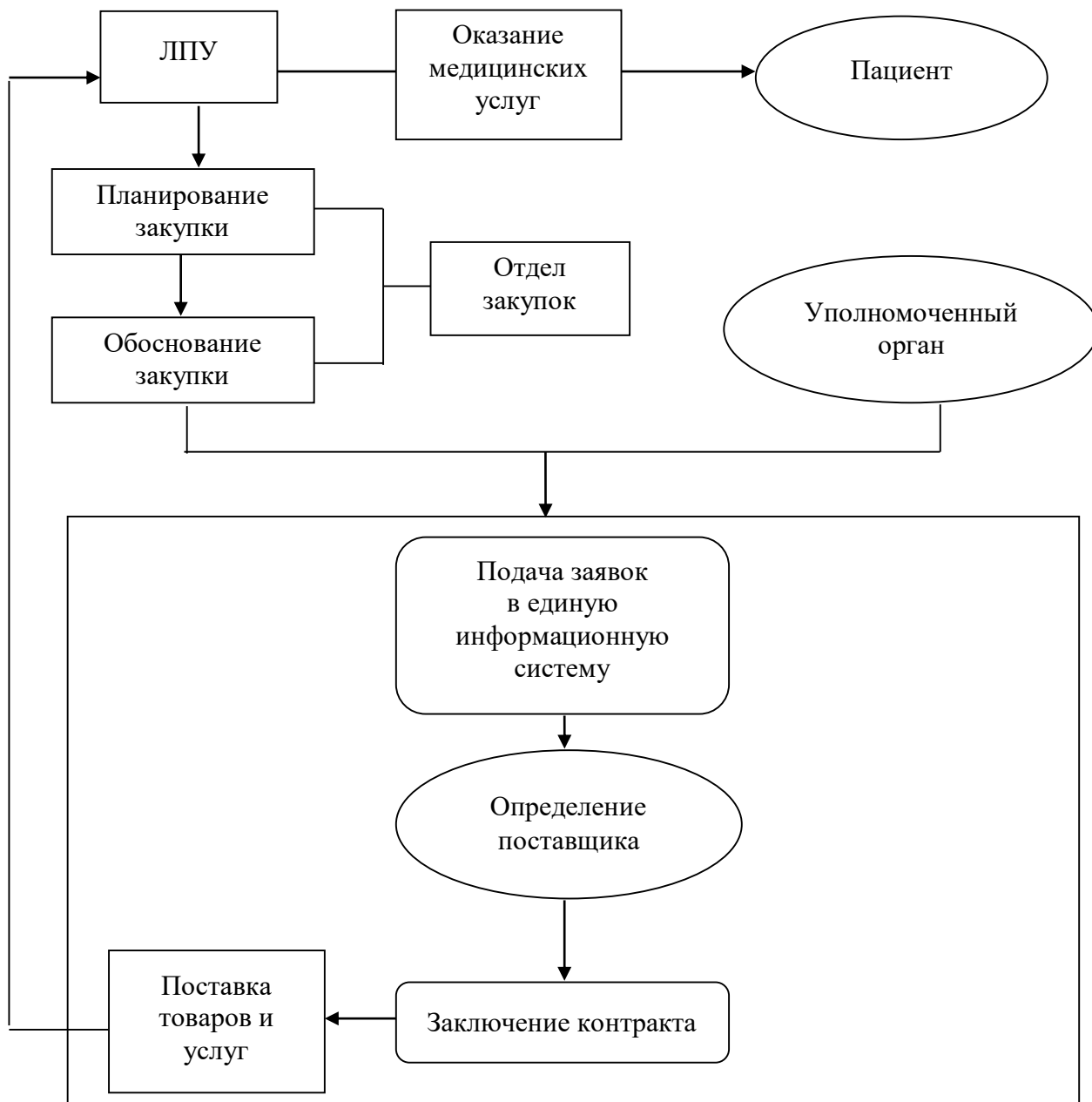

Рисунок 1 – Принцип действия контрактной системы здравоохранения (составлено автором)

Наиболее востребованным в контрактной закупке является форма электронного аукциона, в котором участники соревнуются за лучшее предложение для заказчика.

После завершения закупки лечебно-профилактическое учреждение заключает контракт с победившим участником. Поставщик становится ответственным лицом за исполнение выигранного контракта [5].

Основная задача государственных закупок в здравоохранении – организовать конкурентную борьбу среди поставщиков и производителей медицинских изделий, тем самым, сбив цену до максимальной низкой (в процессе торгов насколько это возможно) от начальной максимальной цены контракта (НМЦК) [6].

Таким образом, экономия на закупке медицинских товаров позволяет оптимизировать расходную часть бюджетов лечебно-профилактических учреждений. Благодаря государственным закупкам в сфере медицинских изделий, по данным Росздравнадзора, удалось сэкономить около 12 млрд. руб. [7].

С другой стороны, система государственных закупок имеет ряд существенных недостатков:

1. Исполнение государственных контрактов нередко сопряжено с коррупционной составляющей: сговоры, взяточничество и т.д. Данный недостаток не способствует честному и качественному обеспечению государственного контракта. Также следует отметить, что коррупция в сфере государственных закупок приводит к переплатам за получаемые медицинские товары или услуги.

2. Несовершенство нормативно-правовой базы, регулирующий процесс государственных закупок. Данный недостаток осложняет саму процедуру осуществления государственных закупок и способствует множеству проблем, возникающих в процессе взаимодействия государственных органов и иных контрагентов.

3. Составление технического задания и формирования лота под конкретного поставщика. В связи с этим теряется «конкурсная основа» контрактного лота, тем самым, исключая ряд медицинских контрагентов в участии государственных закупок. Как правило, это заключается в написании технического задания конкретной модели медицинского изделия или лекарственных средств [4].

4. Трудовые и временные затраты на организацию деятельности в системе государственных закупок. В утвержденный перечень работников лечебно-профилактических учреждений специалисты контрактной службы не входят, именно поэтому медицинским учреждениям в меру своих возможностей приходится решать стоящие перед ними проблемы.

5. Следует отметить разницу в уровне знаний медицинских товаров поставщика и заказчика. Поставщик, в ходе исполнения контракта, может действовать в его поле, но при этом пренебрегая качеством товара. Данный факт негативно сказывается на качестве оказываемой медицинской помощи гражданам. Само лечебно-профилактическое учреждение также получит негативный эффект: недоверие пациентов к оказываемой медицинской помощи вызовет отток у медицинского учреждения, следовательно, уменьшится и объем финансовых средств.

6. Следует учитывать тот факт, что поставщик может задержать, а в худшем случае сорвать сделку. Такое происходит в результате различных ситуаций: форс-мажоры, разногласия между поставщиком и производителем, компании новички на рынке медицинского оборудования и т.д. Безусловно, следует отметить, что к поставщику будут применены санкции в рамках закона. В результате отсутствия времени и материальных запасов ЛПУ рискует перестать функционировать как медицинская организация.

7. Отсутствие участников в закупке. Такая ситуация происходит в случае слишком заниженной начальной максимальной цены контракта. Следует помнить, что основная мотивация компаний-участников – получение прибыли в результате государственных закупок, в случае ее отсутствия компании не будут заинтересованы в её участии. Данная ситуация также может привести к неспособности функционирования ЛПУ.

8. На наш взгляд, организация конкурентных закупок имеет и отрицательную сторону. Факт того, что происходит сокращение, и оптимизация финансовых расходов является бесспорным и научно доказанным, в количественных показателях однозначно достигается экономический эффект. С другой стороны, экономия денежных средств и закупка более дешевого оборудования затрудняет внедрение более нового, современного и высокотехнологического оборудования. Достижения в области медицины (новые медицинские товары и изделия, технологии, оборудование и т.д.) внедряются медленными темпами в государственные лечебно-оздоровительные учреждения, что в свою очередь, оказывает влияние на качество оказания медицинской помощи населению.

Мы полагаем, качество оказываемой медицинской помощи более важный элемент в здравоохранении, по сравнению с оптимизацией расходов ЛПУ. При этом, безусловно, нельзя пренебрегать важнейшими экономическими и финансовыми показателям ЛПУ.

Внедрение новейших медицинских товаров и технологий – необходимый элемент развития системы здравоохранения. Важна оценка новейших товаров с разных сторон, необходимо оценить как с экономической (финансовой) стороны, так и со стороны оказываемой медицинской помощи. К примеру, новый медицинский товар может с одной стороны сократить расходы к нему материалы с финансовой стороны, а со стороны качества оказания помощи – быстрее вылечить пациента лечебно-профилактического учреждения. Таким образом, положительный эффект получают как лечебно-профилактические учреждения, так и граждане, удовлетворенные медицинской помощью.

Актуальны вопросы импортозамещения дорогостоящего медицинского оборудования – это создание аналогов на базе зарубежных моделей и внедрение их в сферу здравоохранения, непосредственно в лечебно-профилактические учреждения. Важно отметить, медицинская техника и медицинские технологии должны соответствовать зарубежным аналогам. В свою очередь, переход лечебно-профилактических учреждений на внутреннюю продукцию позволит значительно сократить расходы на транспортировку, а также позволит сделать отечественную технику более конкурентноспособной на рынке.

Вопрос решения проблем с кадрами, квалификацией персонала также требует своевременного решения. Во избежание данных проблем, государство может создать центры профессиональной подготовки и переподготовки квалифицированных кадров и специалистов. Современный специалист должен обладать всеми необходимыми навыками и умениями при работе в контрактной службе, а также быть в курсе всех нюансов данной работы.

Вопросы, связанные с закупкой дорогостоящего оборудования, можно решить посредством внедрения финансового лизинга. Лизинг активно используется в программах поддержки сельского хозяйства, а также в автомобильной отрасли. В медицинской сфере данный

инструмент малоизучен и не имеет практического применения. Суть финансового лизинга заключается в том, чтобы планомерно равномерными платежами выплачивать стоимость дорогостоящего медицинского оборудования. Данный способ необходимо тщательно рассмотреть и проанализировать государственным органам в сфере здравоохранения, так как полная оплата медицинского оборудования не всегда возможна, а задачи внедрения новых медицинских технологий с целью повышения качества оказываемой медицинской помощи являются стратегически важными [2].

Современные исследователи активно исследуют данный вопрос и предлагают собственные методики расчета лизинговых платежей.

К примеру, Абдуллабеков Р. Н., Федорчук В. Е., Минникова Т. В. рассматривают внедрение лизинга в работе передвижной медицинской клиники. Автор предлагает рассчитывать лизинговые платежи следующим образом:

$$\text{ЛП} = \text{АО} + \text{ПК} + \text{КВ} + \text{ДУ} + \text{НДС},$$

где ЛП – общая сумма лизинговых платежей;

АО – величина амортизационных отчислений, причитающихся лизингодателю в текущем году;

ПК – сумма, выплачиваемая лизингодателю за кредитные ресурсы, использованные им для покупки имущества по договору лизинга;

КВ – комиссионное вознаграждение лизингодателя;

ДУ – плата лизингодателю за дополнительные услуги (страховые платежи, если имущество было застраховано лизингодателем, затраты на техническое обслуживание, рекламу, расходы на командировки и т.д.);

НДС – налог на добавленную стоимость, выплачиваемый лизингополучателем по услугам лизингодателя [1].

Исследователи Буранбаева Л. З., Яндавлетова Д. Х. отмечают и зарубежный опыт использования лизинга медицинского оборудования на примере республики Казахстан. Внутри государства была создана компания АО «КазМедТех» государственная инвестиционная компания, целью которой является проведение закупок медицинской техники для дальнейшей ее передачи организациям здравоохранения на условиях финансового лизинга [3].

Также авторы отмечают, лизинговые контракты возможно внедрять на основе государственно-частного партнерства с опорой на собственный и международный опыт, при этом имея четкую нормативно-правовую для этого базу [2].

Результаты. Подводя итоги можно отметить, государственные закупки – эффективный способ оптимизировать расходы ЛПУ с экономической точки зрения, но с другой стороны имеет ряд существенных недостатков. Данная система далека от идеала, хотя и имеет ярко выраженные преимущества. Отдел закупок – одна из важнейших структур каждого ЛПУ, благодаря которой фактически зависит «профильная» работа медицинского персонала, а от этого зависит качество оказываемой медицинской помощи гражданам. В случае грамотного и пра-

вильного планирования медицинских закупок ЛПУ будет всегда снабжена необходимым количеством медицинских товаров и изделий. При отсутствии должных навыков и знаний в данном секторе, ЛПУ будет испытывать нехватку медицинских товаров и не сможет полноценно функционировать как лечебная организация.

Сложность заключается и в решении указанных проблем в статье. К примеру, если задачу подготовки специалистов отдела закупок можно решить формированием центров переподготовки кадров, то полностью искоренить коррупционную составляющую невозможно. Существуют инструменты, которые могут снизить уровень коррупции в ЛПУ правовыми или иными средствами, но избавиться от данной проблемы полностью не предоставляется возможным.

Не предоставляется возможным спрогнозировать и тот факт, что поставщик исполнит свой контракт качественно, вовремя и в указанный срок. Возможны срывы, разногласия, взаимные претензии между контрагентами в различных аспектах (сроках, качестве товара и т.д.). Данные факторы будут замедлять мощности работы ЛПУ, что, в свою очередь, будет негативно сказываться на качестве лечения пациентов.

Таким образом, необходимо продолжать совершенствовать систему государственных закупок, ее нормативно-правовую базу и постепенно и последовательно устранять существующие недостатки.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абдуллабеков Р. Н., Федорчук В. Е., Минникова Т. В. Оценка эффективности лизинга при работе передвижной медицинской клиники в России (на примере Ростовской области) // Менеджер здравоохранения. 2021. № 8. С. 31-36. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-effektivnosti-lizinga-pri-rabote-peredvizhnoy-meditsinskoj-kliniki-v-rossii-na-pri-mere-rostovskoy-oblasti> (дата обращения 07.02.2024).
2. Буранбаева Л. З., Яндавлетова Д. Х. Лизинг в системе здравоохранения: состояние, проблемы и тенденции // ПСЭ. 2015. № 1 (53). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lizing-v-sisteme-zdravoohraneniya-sostoyanie-problemy-i-tendentsii> (дата обращения 07.02.2024).
3. Буранбаева Л. З., Яндавлетова Д. Х. Лизинг медицинского оборудования как фактор развития лизинговых отношений между финансово-кредитными организациями и организациями в сфере здравоохранения // ПСЭ. 2012. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lizing-meditsinskogo-oborudovaniya-kak-faktor-razvitiya-lizingovyh-otnosheniy-mezhdu-finansovo-kreditnymi-organizatsiyami-i> (дата обращения 07.02.2024).
4. Валуев Ю. М. Проблемы управления государственными закупками в сфере здравоохранения города Москвы // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2019. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-upravleniya-gosudarstvennymi-zakupkami-v-sfere-zdravoohraneniya-goroda-moskvy> (дата обращения 07.02.2024).
5. Кобяцкая Е. Е., Жилина Т. Н., Парахина А. А. Перспективы совершенствования системы государственных закупок в сфере здравоохранения // Проблемы стандартизации в здравоохранении. 2020. № 9-10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-sovershenstvovaniya-sistemy-gosudarstvennyh-zakupok-v-sfere-zdravoohraneniya> (дата обращения 07.02.2024).

6. Кравцова М. В. Государственные закупки здравоохранения: роль поставщиков в работе больниц // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2020. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennye-zakupki-zdravoohraneniya-rol-postavschikov-v-rabote-bolnits> (дата обращения 07.02.2024).

7. Росздравнадзор представил первые результаты мониторинга закупок медизделий. URL: <https://medvestnik.ru/content/news/Rosdravnadzor-predstavil-pervye-rezultaty-monitoringa-zakupok-medizdelii.html> (дата обращения 07.02.2024).

8. Сичинава А. Ш. Практика применения лизинга в развитии малого и среднего предпринимательства на примере стран ЕС // Мир современной науки. 2013. № 5 (20). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/praktika-primeneniya-lizinga-v-razvitii-malogo-i-srednego-predprinimatelstva-na-primere-stran-es> (дата обращения 07.02.2024).

9. Указ Президента РФ от 06.06.2019 N 254 (ред. от 27.03.2023) «О Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_326419/942772dce30cfa36b671bcf19ca928e4d698a928/?ysclid=lt6zy3ovqq416342989 (дата обращения 07.02.2024).

10. Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 N 44-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/?ysclid=lt6zisjrdj455730992 (дата обращения 07.02.2024).

REFERENCES

1. Abdullabekov R. N., Fedorchuk V. E., Minnikova T. V. Otsenka effektivnosti lizinga pri rabote peredvizhnoy meditsinskoj kliniki v Rossii (na primere Rostovskoy oblasti) // Menedzher zdavookhraneniya. 2021. № 8. S. 31-36. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-effektivnosti-lizinga-pri-rabote-peredvizhnoy-meditsinskoj-kliniki-v-rossii-na-primere-rostovskoy-oblasti> (data obrashcheniya 07.02.2024).

2. Buranbaeva L. Z., Yandavletova D. Kh. Lizing v sisteme zdavookhraneniya: sostoyanie, problemy i tendentsii // PSE. 2015. № 1 (53). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lizing-v-sisteme-zdravoohraneniya-sostoyanie-problemy-i-tendentsii> (data obrashcheniya 07.02.2024).

3. Buranbaeva L. Z., Yandavletova D. Kh. Lizing meditsinskogo oborudovaniya kak faktor razvitiya lizingovykh otnosheniy mezhdru finansovo-kreditnymi organizatsiyami i organizatsiyami v sfere zdavookhraneniya // PSE. 2012. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lizing-meditsinskogo-oborudovaniya-kak-faktor-razvitiya-lizingovykh-otnosheniy-mezhdru-finansovo-kreditnymi-organizatsiyami-i> (data obrashcheniya 07.02.2024).

4. Valuev Yu. M. Problemy upravleniya gosudarstvennymi zakupkami v sfere zdavookhraneniya goroda Moskvy // Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta. 2019. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-upravleniya-gosudarstvennymi-zakupkami-v-sfere-zdravoohraneniya-goroda-moskvy> (data obrashcheniya 07.02.2024).

5. Kobyatskaya E. E., Zhilina T. N., Parakhina A. A. Perspektivy sovershenstvovaniya sistemy gosudarstvennykh zakupok v sfere zdavookhraneniya // Problemy standartizatsii v zdavookhraneni. 2020. № 9-10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-sovershenstvovaniya-sistemy-gosudarstvennykh-zakupok-v-sfere-zdavookhraneniya> (data obrashcheniya 07.02.2024).
6. Kravtsova M. V. Gosudarstvennye zakupki zdavookhraneniya: rol' postavshchikov v rabote bol'nits // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ekonomika. 2020. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennye-zakupki-zdavookhraneniya-rol-postavshchikov-v-rabote-bolnits> (data obrashcheniya 07.02.2024).
7. Roszdravnadzor predstavil pervye rezultaty monitoringa zakupok medizdeliy. URL: <https://medvestnik.ru/content/news/Roszdravnadzor-predstavil-pervye-rezultaty-monitoringa-zakupok-medizdelii.html> (data obrashcheniya 07.02.2024).
8. Sichinava A. Sh. Praktika primeneniya lizinga v razvitii malogo i srednego predprinimatel'stva na primere stran ES // Mir sovremennoy nauki. 2013. № 5 (20). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/praktika-priimeneniya-lizinga-v-razvitii-malogo-i-srednego-predprinimatelstva-na-primere-stran-es> (data obrashcheniya 07.02.2024).
9. Ukaz Prezidenta RF ot 06.06.2019 N 254 (red. ot 27.03.2023) «O Strategii razvitiya zdavookhraneniya v Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_326419/942772dce30cfa36b671bcf19ca928e4d698a928/?ysclid=lt6zy3ovqq416342989 (data obrashcheniya 07.02.2024).
10. Federal'nyy zakon «O kontraktnoy sisteme v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennykh i munitsipal'nykh nuzhd» ot 05.04.2013 N 44-FZ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/?ysclid=lt6zisirjdj455730992 (data obrashcheniya 07.02.2024).

Информация об авторе

Иван Игоревич Федячкин, аспирант, кафедра экономики и финансов, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, ул. Гагарина, 8, 400131 г. Волгоград, Российская Федерация, ivfedyachkin@mail.ru, SPIN-код: 5847-8870, AuthorID: 1236466.

Information about the Author

Ivan I Fedyachkin, Postgraduate student of the Department of Economics and Finance, Volgograd Institute of Management – branch of RANEPA, Gagarina str., 8, 400131 Volgograd, Russian Federation, ivfedyachkin@mail.ru, SPIN code: 5847-8870, AuthorID: 1236466.

Для цитирования: Федячкин И. И. Государственные закупки как способ оптимизации расходов бюджетов лечебно-профилактических учреждений в сфере здравоохранения: сущность, актуальные проблемы, пути совершенствования // Парадигмы управления, экономики и права. 2024. № 1 (11). С. 60–69. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2024_N1.pdf

ПРАВО

LAW

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО

PUBLIC LAW

УДК 342.25:353

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В ФЕДЕРАЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Марина Владимировна Коростелева

Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС,
г. Волгоград, Российская Федерация

Наталья Владимировна Коростелева

Институт архитектуры и строительства, Волгоградский государственный технический
университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Введение. С принятием в декабре 2020 года федерального закона о федеральной территории «Сириус» в российском законодательстве появился новый термин – «орган публичной власти федеральной территории». В силу новизны данного термина для российского законодательства, статья подготовлена с целью анализа особенностей организации публичной власти в границах федеральной территории и формулирования предложений о месте её органов в системе публичной власти российского государства.

Методы. Исследование проведено посредством совокупности таких методов научного познания, как анализ и синтез, сравнительно-правовой метод (в частности, нормативного сравнения), методы индукции и дедукции.

Анализ. На основе проведённого анализа норм федерального законодательства уточнена теоретическая конструкция понятия «орган публичной власти федеральной территории», охарактеризован их правовой статус, обозначены имеющиеся пробелы в его регламентации. На основе метода нормативного сравнения сопоставлены статусы органов публичной власти федеральных территорий, органов государственной власти и органов местного самоуправления. Посредством применения методов индукции и дедукции сформулированы выводы об особенностях организации публичной власти в границах федеральной территории «Сириус» и о правовой природе её органов.

Результаты. В результате проведённого исследования сделан вывод о специфическом публично-правовом статусе органов публичной власти федеральной территории «Сириус», об их «двойственной» природе. Обозначены имеющиеся нормативные пробелы в регламентации статуса органов публичной власти федеральной территории и сделаны предложения по совершенствованию действующего законодательства.

Ключевые слова: федеральная территория, публичная власть, система публичной власти, публично-правовое образование, органы публичной власти федеральной территории, муниципальное образование, городской округ.

UDC 342.25:353

FEATURES OF THE ORGANIZATION OF PUBLIC AUTHORITY IN THE FEDERAL TERRITORIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Marina V. Korosteleva

Volgograd Institute of Management, branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russian Federation

Natalia V. Korosteleva

Institute of Architecture and Construction, Volgograd State Technical University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. In December 2020, the law on the federal territory «Sirius» was adopted. After its adoption, a new term appeared in Russian legislation – «public authority of the federal territory». This term is new to Russian legislation. The article analyzes the features of the organization of public power in the federal territory. The authors determine the place of its bodies in the system of public power of the Russian state.

Methods. The research was carried out through a combination of such methods of scientific knowledge as analysis and synthesis, the comparative legal method (in particular, normative comparison), methods of induction and deduction.

Analysis. Based on the analysis of the norms of federal legislation, the theoretical construction of the concept of «public authority of the federal territory» has been clarified. The characteristics of the legal status of the public authority of the federal territory are given, and gaps in its regulation are identified. Based on the normative comparison method, a comparison was made of the status of public authorities of federal territories, state authorities and local governments. By applying the methods of induction and deduction, conclusions are formulated about the peculiarities of the organization of public authority within the borders of the federal territory «Sirius» and about the legal nature of its bodies.

Results. As a result of the study, a conclusion was made about the specific public legal status of public authorities of the federal territory «Sirius». The existing gaps in the regulation of the status

of public authorities of the federal territory are identified. Proposals have been made to improve the current legislation.

Keywords: federal territory, public authority, system of public authority, public legal entity, public authorities of the federal territory, municipal formation, urban district (gorodskoj okrug).

Введение. В 2020 году статья 67 Конституции Российской Федерации, определяющая состав территории государства, была изменена. В неё была включена норма о возможности формирования в границах страны федеральных территорий. До появления конституционной нормы о возможности их создания, в политико-территориальной структуре России существовали субъекты Федерации и сформированные в их составе муниципальные образования. Причём Россия, как государство, характеризуется многообразием видов что субъектов Федерации, что муниципальных образований. В частности, федеральным законодателем предусмотрено восемь видов муниципальных образований, различающихся по статусу и решаемым вопросам местного значения.

Также следует отметить, что с 2000 года в России, в соответствии с указом Президента, образованы федеральные округа (в настоящее время их восемь), представляющие собой объединённые в целях обеспечения реализации основных направлений внутренней и внешней политики государства, субъекты Федерации.

Федеральные территории не являются «составными» элементами России как федеративного государства [1, с. 38-39; 5, с. 25]. Конституционный Суд России весьма определённо указал, что возможность их формирования никоим образом не затрагивает количественный и качественный состав субъектов Федерации, поскольку не предоставляет права закреплять за федеральными территориями статуса, тождественного конституционному статусу субъектов Федерации. Кроме того, в заключении от 16.03.2020 года № 1-3 особо подчёркивается правовое несоответствие определяемого Конституцией состава российской территории (статья 67 часть 1) и России как федеративного государства (статья 5 часть 1).

Федеральные территории, как особые территориальные образования, формируются в составе её территории в соответствии с федеральным законом. Но устанавливающие это положение нормы российской Конституции не конкретизируют «статус» данного акта: он будет одним, «базовым» для всех потенциально возможных в стране федеральных территорий, или такие законы должны приниматься в отношении каждой формируемой территориальной единицы. Поскольку в декабре 2020 года был принят Федеральный закон № 437-ФЗ «О федеральной территории «Сириус», можно сделать вывод, что на текущий момент законодатель исходит из правила принятия собственного закона о статусе каждой отдельной федеральной территории. Во многом это обусловлено и тем, что в пояснительной записке с предложением о введении данного термина в текст Конституции статусом федеральной территории предлагалось наделять очень разные по своему положению и функционалу территории государства (от ЗАТО до заповедников). Вместе с тем Конституция устанавливает, что организация публичной власти на федеральных территориях регламентируется указанным федеральным законом.

Исходя из вышеизложенного, закономерен вывод о том, что говорить об особенностях организации публичной власти можно лишь применительно к конкретной федеральной территории, и не факт, что для других, потенциально возможных к созданию в России, аналогичных единиц эти особенности будут также характерны. Таким образом, в рамках работы будут рассмотрены особенности организации публичной власти в единственной на текущий момент в Российской Федерации федеральной территории «Сириус».

Методология. Исследование проведено посредством совокупности таких методов научного познания, как анализ и синтез, сравнительно-правовой метод (в частности, нормативного сравнения), методы индукции и дедукции.

Основная часть. В нормах Федерального закона № 437-ФЗ «Сириус» определяется как «имеющее общегосударственное стратегическое значение публично-правовое образование». Им впервые термин «публично-правовое образование» применён именно в отношении федеральной территории. Следует отметить, что бюджетное законодательство определяет и субъекты, и муниципальные образования (да и Российскую Федерацию в целом), как публично-правовые образования. Федеральные территории в качестве таковых им прямо не определяются, но в Бюджетном кодексе Российской Федерации в 2021 году появилась норма о том, что установленные им положения в отношении субъектов Федерации распространяются и на федеральные территории (статья 8, часть третья). Как представляется, здесь всё же речь идёт о бюджетно-правовом, а не о конституционно-правовом статусе публично-правовых образований. Поэтому представляется, что понятие «публично-правовое образование» требует своей конкретизации и закрепления не только в нормах Бюджетного кодекса.

Также весьма значимым для анализа статуса как федеральной территории, так и формируемых в её границах органов власти представляется тот факт, что сам закон о ней подчёркивает, что, по общему правилу, в качестве аналогичных друг другу (обратное предусматривается его положениями) применительно к «Сириусу» выступают понятия федеральная территория и городской округ как муниципальное образование [4, с. 62-63]. Уже отмечалось, что эта норма «добавляет» неопределённости в правовой статус федеральной территории [2, с. 42].

Федеральный закон № 437-ФЗ вводит в российское законодательство новый термин «орган публичной власти федеральной территории», причём он не тождественен понятиям органа государственной власти и органа местного самоуправления. Характерно, что данные органы вправе как выполнять переданные им федеральные и региональные полномочия, так и осуществлять муниципальные полномочия. Следовательно, они наделены специфическим публично-правовым статусом и имеют «двойственную» природу [2, с. 43].

Необходимо отметить, что федеральный законодатель с 2020 года определяет единую систему публичной власти и перечисляет входящие в неё органы. В его нормах названы органы государственной власти (федеральные и региональные), государственные органы (в их числе, например, Государственный Совет), органы местного самоуправления, а вот органов публичной власти федеральной территории в данном перечне нет. То есть прямо, как элемент единой системы публичной власти, в нормах данного акта они не обозначены. Как представляется, это существенный нормативный пробел, требующий устранения.

Систему органов публичной власти федеральной территории «Сириус» составляют:

- 1) представительный орган, возглавляемый его председателем;
- 2) администрация, возглавляемая её главой;
- 3) иные органы публичной власти, формируемые в соответствии с её уставом.

Должность главы федеральной территории данным законом не предусмотрена.

Представительный орган федеральной территории – Совет, формируется на пятилетний срок по смешанной системе: чуть более 50 % его членов избираются на прямых выборах, остальные назначаются (причём среди субъектов, наделённых правом осуществлять их назначение, Президент России, федеральное Правительство и губернатор Краснодарского края). Следует отметить, что должность члена Совета федеральной территории входит в число государственных должностей Российской Федерации, и это не зависит от способа её замещения, равно как и от того, на постоянной или на непостоянной основе осуществляются полномочия по данной должности.

При этом те члены Совета, что осуществляют свои полномочия на непостоянной основе, вправе одновременно замещать иные государственные (федеральные и региональные) и муниципальные должности, а также должности гражданской службы (федеральные и региональные). Причём это возможность распространяется исключительно на региональные государственные должности, должности гражданской службы Краснодарского края. В отношении муниципальных должностей такой оговорки нет, равно как нет и предоставленной им возможности замещать должность муниципальной службы. Здесь хотелось бы отметить, что, например, депутаты региональных законодательных органов, осуществляющие полномочия без прекращения основной деятельности, не вправе занимать федеральные и региональные государственные должности, муниципальные должности, быть государственным и муниципальным служащим.

Также важной для статуса этого органа видится норма о том, что кандидата для избрания на должность председателя Совета (это делают сами члены данного органа) представляет глава государства. Он же вправе инициировать досрочное прекращение полномочий председателя Совета в связи с утратой им доверия главы государства (при этом в законе не определено, при наличии каких факторов может быть принято данное решение).

Администрация федеральной территории «Сириус» является её исполнительно-распорядительным органом (как и администрации муниципальных образований России). Руководит им на принципах единоначалия глава, назначаемый Советом (этот же принцип руководства исполнительно-распорядительным органом применяется на муниципальном уровне).

Как уже отмечено, Федеральный закон от 22 декабря 2020 года № 437-ФЗ не предусматривает должность главы федеральной территории. Вместе с тем, Федеральный закон от 21 декабря 2021 года № 414-ФЗ, регламентирующий организацию публичной власти в субъектах Российской Федерации, предусматривает императивное наличие на региональном уровне должности высшего должностного лица субъекта, который, осуществляя руководство региональной исполнительной властью, именуется как «Глава» или «Губернатор» (с дальней-

шим указанием наименования Российской Федерации). Предусмотрена должность главы муниципального образования и законодательством о местном самоуправлении, причём она обязательна в любом муниципальном образовании, независимо от его статуса и количества проживающих в его границах граждан [3, с. 10].

Важным полномочием глав регионов и муниципальных образований является то, что именно они представляют субъекты Федерации и муниципалитеты во внешних отношениях. Для «Сириуса» эта функция закреплена за председателем Совета: в соответствии с пунктом 2 части 3 статьи 13 федерального закона о ней именно он представляет не только Совет, но и федеральную территорию в целом в отношениях с органами публичной власти, гражданами и организациями.

В 2023 году в нормах Федерального закона от 22 декабря 2020 года № 437-ФЗ появилось положение о том, что внешний финансовый контроль на федеральной территории осуществляется её контрольно-счетным органом (далее – КСО) в соответствии с законодательством Российской Федерации. Соответственно, был изменен и Федеральный закон от 7 февраля 2011 года № 6-ФЗ. Данный орган в его нормах определяется как постоянно действующий государственный орган внешнего государственного и муниципального финансового контроля, то есть он не называется органом публичной власти федеральной территории. Несмотря на то, что этот закон не устанавливает обязанности формировать КСО, она может быть закреплена иными актами. Так, уже упоминаемый Федеральный закон от 21 декабря 2021 года № 414-ФЗ содержит положение об обязательности формирования в каждом субъекте Федерации КСО (статья 38). В законе о федеральной территории аналогичной нормы нет. Вместе с тем, в нём нет и нормы, аналогичной норме закона о местном самоуправлении, и прямо устанавливающей «необязательность» формирования КСО муниципального образования. Также необходимо отметить, что на момент подготовки статьи в нормах Бюджетного кодекса Российской Федерации КСО федеральной территории нет.

Уставом федеральной территории «Сириус» предусмотрено формирование контрольно-счетной палаты (далее – КСП «Сириус»). В 2021 году было утверждено положение о ней. Кроме того, утверждён Регламент, устанавливающий основные правила организации деятельности КСП «Сириус». В составе данного органа находятся председатель, его заместитель, аудитор и аппарат. Поскольку среднесписочная штатная численность КСП «Сириус» в 2022 году составила 4 штатные единицы, функции главного бухгалтера в 2022 году выполнялись её председателем, а функции кадровой службы и контрактного управляющего – руководителем аппарата КСП «Сириус». По причине малой численности сотрудников в КСП «Сириус» не создана и коллегия (несмотря на то, что такая возможность предусмотрена федеральным законодателем).

Также Уставом предусмотрено формирование Градостроительного совета, при этом он определяется как постоянный орган при представительном Совете. Ключевая цель его создания – сопровождение процесса подготовки специального регулирования градостроительной деятельности. Необходимо отметить, что для федеральной территории установлены особен-

ности осуществления градостроительной деятельности и регулирования земельных отношений. В частности, процедура разработки проекта генерального плана «Сириуса» и сам его состав определяется федеральным Правительством¹. По согласованию с ним же генеральный план разрабатывается и утверждается. Обязательной стадией подготовки данного документа выступает проведение публичных слушаний, общественных обсуждений. Органы публичной власти федеральной территории определяют особенности их организации также по согласованию с федеральным Правительством.

Необходимо отметить, что в 2022 году была изменена существующая система документов территориального планирования и градостроительного зонирования муниципальных образований. В Градостроительном кодексе Российской Федерации (далее – ГрК РФ) появилась статья 28.1, предусматривающая возможность подготовки единого документа территориального планирования и градостроительного зонирования для поселений и округов (муниципальных и городских). Единый документ фактически аккумулирует в себе генеральный план и правила землепользования и застройки. При этом состав материалов по его обоснованию, равно как и порядок его подготовки и утверждения, установлены Правительством Российской Федерации в постановлении от 29.06.2023 года № 1076. Несмотря на то, что федеральная территория не является муниципальным образованием, по решению Совета для неё также возможны его подготовка и утверждение.

Рассматривая систему органов федеральной территории, необходимо отметить, что в Сириусе, в соответствии с её Уставом, создана должность уполномоченного по вопросам местного самоуправления, который назначается Советом с учётом мнения жителей. Конституция Российской Федерации закрепляет, что местное самоуправление осуществляется её гражданами путём форм прямого волеизъявления, а также через органы местного самоуправления. На федеральной территории «Сириус» оно осуществляется гражданами непосредственно в формах, предусмотренных законодательством Российской Федерации, а также через её органы публичной власти, которые, как уже отмечено, вправе осуществлять полномочия органов местного самоуправления городского округа, определённые законодательством о местном самоуправлении (если они не переданы по соглашению органам местного самоуправления городского округа город-курорт Сочи Краснодарского края). Это несколько выбивается из конституционной модели его осуществления, поэтому закономерно требует особой организационно-правовой защиты. При этом возможность введения должности уполномоченного по защите местного самоуправления рассматривалась в научных работах и ранее. В частности, Е. С. Шугрина, проведя анализ сложившейся практики примеры учреждения «специальных» уполномоченных, предложила ряд вариантов учреждения должности уполномоченного по защите местного самоуправления [6, с. 7]. Во-первых, возможно формирование данной должности на федеральном уровне. Во-вторых, можно учредить её на уровне федеральных округов (например, сделав лицо, замещающего данную должность, одним из заместителей полномочного представителя Президента). В-третьих, такая должность может появиться в субъектах

¹ См.: Постановление Правительства РФ от 25.10.2021 N 1827 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 27.10.2021

Федерации. При этом она особо отмечает нецелесообразность формирования данной должности на муниципальном уровне.

Наряду с обозначенными органами, в федеральной территории действует и территориальная избирательная комиссия (далее – ТИК) федеральной территории). Но данный орган, формируемый ЦИК России, определён как государственный, вследствие чего он находится вне системы органов публичной власти федеральной территории.

Вывод. Новый для российского законодательства термин «орган публичной власти федеральной территории» не тождественен понятиям «орган государственной власти» и «орган местного самоуправления». Орган публичной власти федеральной территории обладает специфическим публично-правовым статусом и наделён возможностями выполнять переданные ему федеральные, региональные и муниципальные полномочия. Сделано предложение о необходимости включения данных органов в единую систему публичной власти, дополнив ими перечень составляющих её органов, определённый федеральным законом о Государственном Совете.

В настоящее время можно говорить об особенностях организации публичной власти исключительно в отношении конкретной федеральной территории. Вместе с тем, для всех аналогичных территориальных единиц (в случае их создания в России), федеральный законодатель предусмотрел наличие отдельных органов – в частности, к их числу можно отнести КСО и ТИК (она формируется ЦИК для каждой федеральной территории).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Виноградов В. В. Федеральная территория как принципиально новый вид организации публичной власти в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 1. С. 38-39.
2. Коростелева М. В. Правовой статус федеральной территории как публично-правового образования // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. 2021. № 2. С. 40-44.
3. Коростелева М. В., Абезин Д. А. Правовой статус главы муниципального образования в Российской Федерации. Волгоград, 2012. 83 с.
4. Пешин Н. Л. Соотношение административно-правовых и муниципально-правовых элементов статуса федеральной территории // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 5. С. 62-67.
5. Стариков С. С. К вопросу о конституционно-правовом статусе органов публичной власти федеральных территорий // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 3. С. 21-25.
6. Шугрина Е.С. Обоснование необходимости введения института уполномоченного по защите местного самоуправления // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. 2017. № 1. С. 3-7.

REFERENCES

1. Vinogradov V. V. Federal'naja territorija kak principial'no novyj vid organizacii publichnoj vlasti v Rossijskoj Federacii // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2022. № 1. S. 38-39. [in Russian]
2. Korosteleva M. V. Pravovoj status federal'noj territorii kak publichno-pravovogo obrazovanija // Municipal'noe imushhestvo: jekonomika, pravo, upravlenie. 2021. № 2 S. 40-44. [in Russian]
3. Korosteleva M. V., Abezin D. A. Pravovoj status glavy municipal'nogo obrazovanija v Rossijskoj Federacii. Volgograd, 2012. 83 s. [in Russian]
4. Peshin N. L. Sootnoshenie administrativno-pravovyh i municipal'no-pravovyh jelementov statusa federal'noj territorii // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2022. № 5. S. 62-67. [in Russian]
5. Starikov S. S. K voprosu o konstitucionno-pravovom statuse organov publichnoj vlasti federal'nyh territorij // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2023. № 3. S. 21-25. [in Russian]
6. Shugrina E. S. Obosnovanie neobhodimosti vvedenija instituta upolnomochennogo po zashhite mestnogo samoupravlenija // Municipal'noe imushhestvo: jekonomika, pravo, upravlenie. 2017. № 1. S. 3-7. [in Russian]

Информация об авторах

Марина Владимировна Коростелева, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 400131, г. Волгоград, ул. Гагарина, 8, korostelevamv@mail.ru, SPIN-код: 9029-1495, AuthorID: 352103

Наталья Владимировна Коростелева, кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры «Городское строительство, экономика и управление проектами», Институт архитектуры и строительства, ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный технический университет», 400005, Волгоград, пр. им. Ленина, 28, korostelevanv@mail.ru, SPIN-код: 2514-2950, AuthorID: 619120

Information about Authors

Marina V. Korosteleva, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department Theory of Law and Public Law Disciplines, Volgograd Institute of Management, branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Gagarin st., 8, 400131, Volgograd, Russian Federation, korostelevamv@mail.ru, SPIN-код: 9029-1495, AuthorID: 352103.

Natalia V. Korosteleva, Candidate of Sciences (Engineering), Volgograd State Technical University Associate Professor of the department «Urban construction, economics and project management»,

Lenin avenue, building 28, 400005, Volgograd, Russia, korostelevanv@mail.ru, SPIN-код: 2514-2950, AuthorID: 619120.

Для цитирования: Коростелева М. В., Коростелева Н. В. Особенности организации публичной власти в федеральных территориях Российской Федерации // Парадигмы управления, экономики и права. 2024. № 1 (11). С. 71–80. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2024_N1.pdf

ЧАСТНОЕ ПРАВО

PRIVATE LAW

УДК 347.63

ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ЗАЩИТЫ ЦИФРОВЫХ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ

Елена Леоновна Кдлян, Галина Андреевна Магдесян

Сочинский государственный университет, г. Сочи, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В статье предлагается рассмотреть основные теоретико-правовые проблемы содержания, проблем реализации прав человека в условиях цифровизации общества, в том числе детей и разработка на этой основе научно-обоснованных предложений, направленных на эффективную защиту цифровых прав несовершеннолетних в современной России.

Методы. Методологическую основу исследования составляют общенаучный диалектический метод и комплекс научных методов познания. Для анализа нормативных правовых актов, обобщения проблем, формирования определений, предложений и выводов применялись историко-функциональный, логический, сравнительно-правовой, формально-юридический, социологический и другие методы исследования.

Анализ. Вопросы обеспечения и защиты прав человека, в том числе несовершеннолетних детей, сложны и требуют комплексного подхода в их разрешении. Бесспорно, права человека расширяются под воздействием различных факторов на определенном этапе развития страны. Особенно в эпоху информационных технологий, которая вызвала необходимость ревизии универсальных прав человека. Цифровизация жизнедеятельности граждан сподвигла появление «цифровых прав», под которыми понимаются права граждан на доступ, использование, создание и публикацию цифровых произведений, на доступ и использование компьютеров и иных электронных устройств, коммуникационных сетей и сети Интернет, а также право свободно общаться и выражать свое мнение в Сети и право на неприкосновенность частной информационной сферы, включая право на конфиденциальность, анонимность его оцифрованной персональной информации.

Поэтому, одной из актуальных задач государства является признание и обеспечение защиты цифровых прав граждан, особенно несовершеннолетних от возможных нарушений с

одновременным обеспечением конституционно-правовой безопасности личности, общества и государства на основе Конституции и с учетом соответствующих международно-правовых договоров.

Результаты. Проведенное исследование сферы правовой регламентации защиты цифровых прав несовершеннолетних позволило сказать, что на современном этапе развития нашего общества государство в условиях глобальной цифровизации должно усилить контрольные функции, направленные на обеспечение защиты прав и интересов детей. Законодателю необходимо определить формы оборота информации; закрепить права и обязанности участников «цифровых» правоотношений и пределы применения цифровых технологий, а также разработать правовые меры по противодействию правонарушениям и преступлениям в области цифровизации всех сфер жизнедеятельности нашего государства.

Ключевые слова: правовое регулирование, цифровые права, защита прав несовершеннолетних, цифровизация.

UDC 347.63

LEGAL REGULATION OF PROTECTION OF DIGITAL RIGHTS OF MINOR CHILDREN

Elena L. Kdlyan, Galina A. Magdesyan

Sochi State University, Sochi, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article proposes to consider the main theoretical and legal problems of the content, problems of the realization of human rights in the context of digitalization of society, including children, and the development on this basis of scientifically sound proposals aimed at effective protection of the digital rights of minors in modern Russia.

Methods. The methodological basis of the research is the general scientific dialectical method and a set of scientific methods of cognition. Historical-functional, logical, comparative-legal, formal-legal, sociological and other research methods were used to analyze normative legal acts, generalize problems, form definitions, proposals and conclusions.

Analysis. The issues of ensuring and protecting human rights, including those of minor children, are complex and require an integrated approach in their resolution. Undoubtedly, human rights develop and expand under the influence of various factors at a certain stage of the country's development. Especially in the era of information technology, which necessitated the revision of universal human rights. Digitalization of citizens' lives has prompted the emergence of «digital rights», which mean the rights of citizens to access, use, create and publish digital works, to access and use computers and other electronic devices, communication networks and the Internet, as well as the right to freely communicate and express their opinions online and the right to privacy of the information

sphere, including the right to confidentiality, anonymity of his digitized personal information. Therefore, one of the urgent tasks of the state is to recognize and ensure the protection of citizens' digital rights from possible violations while simultaneously ensuring the constitutional and legal security of the individual, society and the state on the basis of the Constitution and taking into account relevant international legal treaties.

Results. The conducted research of the sphere of legal regulation of the protection of digital rights of minors allowed us to say that at the present stage of development of our society, the state in the context of global digitalization should strengthen control functions aimed at ensuring the protection of the rights and interests of children. The legislator needs to determine the forms of information circulation; consolidate the rights and obligations of participants in «digital» legal relations and the limits of the use of digital technologies, as well as develop legal measures to counteract offenses and crimes in the field of digitalization of all spheres of life of our state.

Keywords: legal regulation, digital rights, protection of the rights of minors, digitalization.

Введение. В последнее время в современном мире используются такие понятия как «цифровое общество» и «цифровизация отношений», и как следствие, мы чаще стали сталкиваться с «цифровыми правами». Важно отметить, что стремительное развитие данной сферы, породило дискуссию в среде научного пространства относительно сущности и содержания «цифровых прав».

Наиболее распространенным мнением является признание «цифровых прав», как одно из универсальных прав человека, которые адаптированы под цифровое общество и состоит из права на создание или использование произведений, разработанных с применением цифровых технологий; на обмен информации; на свободу слова и выражения мнения в сети; на неприкосновенность частной жизни и другие.

Федеральным законом РФ от 18 марта 2019 года «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» [11], с 1 октября 2019 года введено понятие цифровые права. Следует отметить, что данный закон является основным в регулировании отношений в рамках Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [8]. Согласно Гражданскому кодексу РФ, цифровые права обозначены как «обязательственные и другие права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационных систем, отвечающих определенным законодательством комплексом признаков к объектам регулирования гражданского права» (далее – ГК РФ) [4]. Таким образом цифровые права есть разновидность имущественных прав, что соответствует позиции российского законодателя и подтверждает существование цифровых прав в современной правовой действительности. Однако, его толкование может меняться в зависимости от того, как будет меняться содержание цифровых прав в национальном законодательстве. По своей сущности цифровые права – это не особый вид субъективных гражданских прав, а как обязательственные, имущественные и иные права, и тем самым может включать любую группу правоотношений в цифровой среде.

Методы. В современных реалиях в вопросах правового регулирования цифровых прав можно выделить два направления. Во-первых, прослеживается увеличение количества нормативно-правовых актов и регуляторных норм, уточняющих права и обязанности в области пользования информационно-коммуникационными сетями. Во-вторых, усиление контролирующей роли государственных органов над цифровой средой и новыми общественными отношениями. Как видится, на данный момент можно говорить о цифровых правах как о категории имущественных прав с оговоркой о возможности широкого толкования, так как имеются разные подходы в правовой науке, а законодательство предоставляет очень широкий спектр для понимания сущности либо в качестве нового объекта существующих гражданско-правовых отношений или же средством их закрепления в цифровой реальности.

В начале XXI века «цифровые права» не имели широкого применения. Как правильно отмечает Н. В. Варламова: «...в англоязычной литературе пишут о цифровых правах (digital rights), интернет-правах (Internet rights), праве на коммуникацию (right to communicate) ... Иногда эти термины используют как синонимы, иногда акцентируется определенная специфика обозначаемых ими прав» [1, с. 10]. Кроме того, по ее мнению, цифровизация существенно отражается практически на всех социальных отношениях.

Анализ. Технологические новации влекли за собой появление цифровых прав человека, отличающихся от традиционных и образующих новый пласт прав человека. Анализ научных публикаций показал, что первоначально исследуемое понятие применялось для определения прав, которые возникли на платформе новых информационных коммуникаций, в том числе Интернет. По словам Якопо Кокколи, развитие права на доступ к нему позволило «технологиям стать самим правом» [13, р. 243]. А потому под цифровыми правами понимается право на получение доступа к телекоммуникационным сетям и электронным устройствам, а также возможности их использовать; право на создание, получение, использование и распространение информации в цифровом формате.

Вместе с тем очевидно, что концепция цифровых прав до настоящего времени не сформировалась. При этом в научном мире исследуется как правило базовое цифровое право. Следует согласиться, что в нынешних условиях концепция о цифровых правах охватывает широкий ряд фундаментальных прав человека, таких как: на неприкосновенность частной жизни и свободу выражения мнения, которые чаще всего и нарушаются. Так, в Хартии прав человека в Интернете [12] к числу интернет-прав были отнесены: право на доступ к интернету; право на свободу выражения мнений и ассоциаций; право на доступ к знаниям; право на бесплатное и открытое программное обеспечение, и технологии; право на конфиденциальность, свободу от наблюдения и шифрование и другие.

Вопросы технологического развития отражены и в нормах международного права, регулирующих права человека. Отметим, что множество международных средств в сфере защиты прав человека были приняты еще до начала цифровизации общественной жизни. С распространением цифровых технологий возникли новые вопросы этического характера реализации права на уважение частной жизни, свободы слова, запрета дискриминации, защиты прав несовершеннолетних детей.

Безусловно ребенку от рождения принадлежат и гарантируются государством права и свободы человека и гражданина. Поэтому обеспечение и защита прав ребенка на международном и национальном уровнях содержатся в таких нормативно-правовых документах как Всеобщая декларация прав человека (1948 год) [3]; Декларация прав ребенка, принятая Генеральной Ассамблеей ООН (1959) [5]; Конвенция ООН о правах ребенка (1989) [6]; Всемирная декларация об обеспечении выживания, защиты и развития детей (1990) [2]. Ребенок как специальный субъект правоотношений нуждается в особой защите государства.

Ключевыми направлениями политики государства в соответствии с Основным законом и положениями международных актов следует считать признание и защиту цифровых прав граждан от всевозможных нарушений, обеспечение конституционно-правовой безопасности личности, общества и государства. Так, например, п. 4 ст. 29 Конституции РФ закрепляет право каждого «свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом» [7]. С другой стороны, в связи с тем, что указанное право не абсолютное, оно может быть ограничено законом. Часть 3 ст. 55 Конституции РФ закрепляет необходимость защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Таким образом, ограничения доступа к информации не противоречат положениям Конституции РФ и одновременно, обеспечивают защиту несовершеннолетних от негативного воздействия на них информационного пространства.

В настоящее время Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [10], как основной акт по правам ребенка, охватывает все средства массовой информации и классифицирует информацию на информацию, причиняющую вред здоровью и развитию детей, т.е. информацию, которая полностью запрещена для распространения среди детей, и информацию, распространение которой среди детей определенных возрастных групп ограничена. Предполагаем, что информационные права несовершеннолетнего можно разделить на следующие виды:

- право создавать, искать, получать, передавать и распространять информацию;
- право на доступ и использование компьютерных и иных электронных устройств, а также различных информационно-коммуникационных систем;
- право на доступ, использование, создание и публикация цифровых произведений.

Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» [9] возлагает на органы государственной власти Российской Федерации обязанность принимать меры по защите ребенка от информации, пропаганды и агитации, наносящих вред его здоровью, нравственному и духовному развитию.

Массовое использование сети «Интернет» в эпоху развития новых информационно-коммуникационных технологий предполагает также последующее преобразование информационных прав несовершеннолетних. Право на распространение информации несовершенно-

летние реализуют общаясь в различных социальных сетях, воплощая таким образом свое индивидуальное представление о личной свободе через возможность свободно представлять себя и самореализовываться, как правило, не задумываясь о последствиях этой свободы и безопасности. Разумеется, что несовершеннолетний в виду физической и умственной незрелости, а также низким уровнем информированности о сетевой безопасности не в состоянии правильно осознавать свои действия, критически воспринимать информацию, предоставляемую ему.

Заключение. Таким образом, цифровые права в широком смысле – это совокупность прав каждого на доступ к цифровым медиа, использование компьютеров, Интернета и сотовой связи с целью систематизации, и комплексной передачи информации.

Под цифровыми правами ребенка в современной интерпретации понимаются универсальные права человека (сборе, хранении, доступе, использовании и создании), которые определены в законодательстве. При реализации своих цифровых прав большинство несовершеннолетних используют ресурсы сети Интернета для общения, порой не думая о защите персональных данных: выкладывают информацию о личной жизни, выставляя на публичное обозрение фотографии, которые остаются в онлайн-сети в течение долгого времени и могут использоваться в мошеннических целях другими пользователями. Не менее актуальной опасностью остается кража идентичности личности несовершеннолетнего. Более того, посредством свободного доступа к сети-Интернет подростки могут взаимодействовать с пагубным спамом, призывающим, например, к насилию, экстремизму, расизму и иным формам противоправного поведения.

В последнее время прогрессирует негативная тенденция озлобления молодого поколения, которая проявляется через разноплановые информационно-коммуникационные платформы: они наносят ущерб нравственному психологическому развитию детей путем пропаганды насилия и злобы. Соответственно все эти вопросы нуждаются в правовом урегулировании посредством координации усилий властных полномочий государства и частных компаний (продавцов интернет-услуг). В борьбе с распространением незаконных материалов в отношении детей и защиты их информационных прав, как нам представляется, в первую очередь необходимо создание для них безопасной информационной среды, что в нынешних реалиях является довольно затруднительным ввиду того, что веб-сайты, размещающие негативную информацию, находятся по всему миру. Предполагаем, что широкое применение особых технических инструментов, блокирующих отдельные контенты, станет эффективным методом обеспечения защиты информационных прав детей в сети-Интернет.

Таким образом, признание и реализация цифровых прав несовершеннолетних, закрепленные как в нормах международного, так и национального законодательства, гарантируют конституционно-правовую безопасность их личности и имущества. Защита цифровых прав детей от правонарушений является одной из основных задач нашего государства в рамках проведения информационной модернизации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Варламова Н. В. Цифровые права – новое поколение прав человека? // Труды института государства и права РАН. 2019. Том 14. № 4. С. 9-46.
2. Всемирная декларация об обеспечении выживания, защиты и развития детей от 30 сентября 1990 // Дипломатический вестник. 1992. № 6. С. 10.
3. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 10.12.1998.
4. Гражданский кодекс РФ. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994 г. № 32. Ст. 3301.
5. Декларация прав ребенка (принята Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1959). URL: https://www.ombudsmankk.ru/media/doc/dekl_prav_rebeka.pdf?ysclid=lsaabiswfj192349248 (дата обращения 04.02.2024).
6. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // Сборник международных договоров СССР, выпуск XLVI, 1993.
7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. 2020. № 144.
8. Паспорт национального проекта Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. протоколом заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 г. № 7). URL: <https://base.garant.ru/72296050/> (дата обращения 04.02.2024).
9. Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // СЗ РФ. 1998 г. № 31. Ст. 3802.
10. Федеральный закон от 29 декабря 2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 48.
11. Федеральный закон РФ от 18 марта 2019 года «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 12. Ст. 1224.
12. Хартия прав APC в Интернете / <https://www.apc.org/en/pubs/about-arc/apc-internet-rights-charter> (дата обращения 04.02.2024).
13. Coccoli J. The Challenges of New Technologies in the Implementation of Human Rights: An Analysis of Some Critical Issues in the Digital Era // Peace Human Rights Governance. 2017. Vol. 1. Iss. 2.

REFERENCES

1. Varlamova N. V. Tsifrovye prava – novoe pokolenie prav cheloveka? // Trudy instituta gosudarstva i prava RAN. 2019. Tom 14. № 4. S. 9-46.

2. Vsemirnaya deklaratsiya ob obespechenii vyzhivaniya, zashchity i razvitiya detey ot 30 sentyabrya 1990 // Diplomaticheskiy vestnik. 1992. № 6. S. 10.
3. Vseobshchaya deklaratsiya prav cheloveka (prinyata General'noy Assambleey OON 10.12.1948) // Rossiyskaya gazeta. 10.12.1998.
4. Grazhdanskiy kodeks RF. Chast' pervaya ot 30 noyabrya 1994 g. № 51–FZ // SZ RF. 1994 g. № 32. St. 3301.
5. Deklaratsiya prav rebenka (prinyata General'noy Assambleey OON 20.11.1959). URL: https://www.ombudsmankk.ru/media/doc/dekl_prav_rebeka.pdf?ysclid=lsaabiswfj192349248 (data obrashcheniya 04.02.2024).
6. Konventsiya o pravakh rebenka (odobrena General'noy Assambleey OON 20.11.1989) (vstupila v silu dlya SSSR 15.09.1990) // Sbornik mezhdunarodnykh dogovorov SSSR, vypusk XLVI, 1993.
7. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 g.) // Rossiyskaya gazeta. 2020. № 144.
8. Paspport natsional'nogo proekta Natsional'naya programma «Tsifrovaya ekonomika Rossiyskoy Federatsii» (utv. protokolom zasedaniya prezidiuma Soveta pri Prezidente Rossiyskoy Federatsii po strategicheskomu razvitiyu i natsional'nym proektam ot 4 iyunya 2019 g. № 7). URL: <https://base.garant.ru/72296050/> (data obrashcheniya 04.02.2024).
9. Federal'nyy zakon ot 24 iyulya 1998 g. № 124-FZ «Ob osnovnykh garantiyakh prav rebenka v Rossiyskoy Federatsii» (s izmeneniyami i dopolneniyami) // SZ RF. 1998 g. № 31. St. 3802.
10. Federal'nyy zakon ot 29 dekabrya 2010 № 436-FZ «O zashchite detey ot informatsii, prichinyayushchey vred ikh zdorov'yu i razvitiyu» // SZ RF. 2011. № 1. St. 48.
11. Federal'nyy zakon RF ot 18 marta 2019 goda «O vnesenii izmeneniy v chasti pervuyu, vtoruyu i stat'yu 1124 chasti tret'ey Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii» // SZ RF. 2019. № 12. St. 1224.
12. Khartiya prav APC v Internetе / <https://www.apc.org/en/pubs/about–apc/apc–internet–rights–charter> (data obrashcheniya 04.02.2024).
13. Coccoli J. The Challenges of New Technologies in the Implementation of Human Rights: An Analysis of Some Critical Issues in the Digital Era // Peace Human Rights Governance. 2017. Vol. 1. Iss. 2.

Информация об авторах

Елена Леоновна Кдлян, кандидат юридических наук, доцент, Сочинский государственный университет, 354000, ул. Пластунская, 94, г. Сочи, Российская Федерация, garunt-plus@yandex.ru, SPIN-код: 4168-9345, AuthorID: 650176.

Галина Андреевна Магдесян, кандидат юридических наук, доцент, Сочинский государственный университет, 354000 ул. Пластунская, 94, г. Сочи, Российская Федерация, galina01.75@yandex.ru, SPIN-код: 1142-2409, AuthorID: 673150

Information about Authors

Elena L. Kdlyan, Candidate of Juridical Science, Associate Professor, Sochi State University, Plastunskaya, st., 94, 354000, Sochi, Russian Federation, garunt-plus@yandex.ru, SPIN-код: 4168-9345, AuthorID: 650176.

Galina A. Magdesyan, Candidate of Juridical Science, Associate Professor, Sochi State University, Plastunskaya, st., 94, 354000, Sochi, Russian Federation, Galina01.75@yandex.ru, SPIN-код: 1142-2409, AuthorID: 673150.

Для цитирования: Кдлян Е. Л., Магдесян Г. А. Правовая регламентация защиты цифровых прав несовершеннолетних детей // Парадигмы управления, экономики и права. 2024. № 1 (11). С. 81–89. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2024_N1.pdf

Сетевое издание

**ПАРАДИГМЫ УПРАВЛЕНИЯ,
ЭКОНОМИКИ
И ПРАВА**

№ 1(11) 2024

Дата выхода в свет:

29 марта 2024 года

Периодичность выпуска 4 номера в год.

*Точка зрения редакции и членов редколлегии
не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикуемых статей*

Перепечатка из СМИ (средство массовой информации)
«Парадигмы управления, экономики и права»
категорически запрещена без оформления договора
в соответствии с действующим законодательством РФ

Главный редактор *А. И. Бардаков*
Компьютерная верстка *Г. В. Подшиваловой*

Адрес редакции и издателя:
Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС
400066, Волгоградская обл., г. Волгоград, ул. им. Гагарина, д. 8.
400078, Волгоградская обл., г. Волгоград, ул. Герцена, 10